

Пятая история вселенной Бесцейна

Осенний дом

Анастасия Сагран

18+

Анастасия Сагран

Осенний дом

«Автор»

2017

Сагран А.

Осенний дом / А. Сагран — «Автор», 2017

ISBN 978-5-532-07280-0

У лучшего мечника крылатых в живых осталось три сына: старший - главнокомандующий поднебесными войсками, младший делает стремительную карьеру в космофлоте, а средний, Тони... посреди ночи выставил жену из дома. Красивую. Родовитую. Совсем одну! Тони и рад бы вернуть её, но она решительно настроена воспользоваться своей свободой. А ещё её свободой хотят воспользоваться бывший жених и принц-отец. И даже старинный враг семьи Тони нашёл в этом разрыве выгоду. Перевертыши, похоже, сговорились, но скоро они узнают, чего стоит средний сын лучшего мечника!..

ISBN 978-5-532-07280-0

© Сагран А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Предисловие	5
Часть первая. С первого летнего дня	7
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анастасия Сагран

Осенний дом

Предисловие

Клервинд – это планета частых, но слабых землетрясений и обычных людей с красной кровью. Планета, которая привлекла внимание рослых и сильных людей с даром призыва крыльев, мечей, а также исцеляющего света и возможностью различать ложь по глазам.

Благополучно принятые ангелоподобные пришельцы, названные крылатыми, взяли на себя обязанность защищать Клервинд и его хозяев от перевёртышей – часто диких, жестоких и голодных инопланетян, путешествующих самостоятельно. Высокие и твердокожие перевёртыши, в большинстве своём будто покрытые тонким слоем сажи, имели врождённые особенности тела и навыки, которые, казалось бы, делали их непобедимыми. Действительно, две из трёх рас перевёртышей обрастали прочными доспехами, а способность выбрать любую точку центром притяжения для своего тела, позволяла кровожадным чужакам летать с невероятными скоростями, не пользуясь никакими приспособлениями.

Только благодаря сплочённости и опыту, крылатые нашли способы противостоять неприятным гостям из космоса. Но с каждым столетием перевёртыши прилетали всё чаще, и всё реже – в одиночку. В 42-м году эпохи Непредвиденного Клервинд впервые посетило целое царство – мудрый древнейший перевёртыш по имени Ли привёл за собой не только сильных наследников и воинов, но и подданных, нуждающихся в его защите – женщин и детей. Вынужденный вести захватническую войну очень осторожно, царь-шипастый закрепился возле городка Лифорд на северном континенте, и выстроил подземный дворец-город – предел. Терпеливо и неуклонно Ли по прозвищу “Лифорд” вёл войну с людьми и крылатыми, спокойно принимая как потери и проигрыши, так и победы.

В 90-м году на помощь Ли прибыл старый знакомый – повелитель собственного предела Рицка Рашингава, родовитый учёный-перевёртыш. Цари оказались высококультурными существами, не лишёнными своего рода чести. Кроме того, подданные Рашингавы и Ли во всём брали пример со своих лидеров и кумиров, и люди скоро нашли тысячу приятных отличий нынешних пришельцев от прошлых, успешно устраняемых крылатыми.

Мир наступил спустя 178 лет после пришествия Ли. В течение войны противники прибегали к самым разным и необычным уловкам. Крылатые пробудили своих древнейших, среди которых нашёлся настоящий ясновидящий, и даже призвали на помощь человекоподобных фитов с их космическим флотом. А перевёртыши переманили в союзники людей, вывели фантастических полукровок – драконов и эскортов, – и присоединили к своей борьбе царства благородного Адмора и коварного Хоакина по прозвищу Классик.

Древнейшие крылатых, фитов и перевёртышей решили отложить сведение счетов на неопределённый срок и смирить гордыню ради рывка к всестороннему процветанию и благополучию народов.

Итак, в 221-м году эпохи Непредвиденного, в едва основанном на границе городе Ньоне, потомок ясновидящего, Брайан Валери, бывший святой, короновал выбранного богом человека, Эрика Бесцейна, на владение всей планетой.

Древнейшие, цари и прочие хозяева и покровители колоссальных территорий, равных целым странам, получили титулы принцев и членство в высшем совещательном органе империи – принсипате.

С тех пор прошло 57 лет, объединённые армии с успехом защищали Клервинд и его великолепное, подуманное будущее от так называемых “перевёртышей извне”.

Межвидовые браки людей и трёх человекоподобных видов окончательно прояснили положение о значительном биологическом различии только людей-аборигенов и перевёртышей. Психически, однако, все четыре вида оказались полностью совместимы. Более того, с течением времени оказалось, что старение всех разумных на Клервинде замедлилось до предела без чьих-либо усилий – войны теперь не хотел никто.

Так, для клервиндцев ненависть отошла в прошлое на столько, на сколько это вообще было возможно. Но не для ряда принцев и членов их семей, рискующих оказаться заложниками или первыми жертвами вендетты.

Часть первая. С первого летнего дня

1.5.34. – Первый день пятого лунного периода тридцать четвёртого года эпохи Трора Сапфира.

– Эй!.. – Тони Эшберн не скрывал возмущения в голосе. – Отрастите глаза на затылке, милейший!.. Позади вас живое существо, между прочим!

Впереди стоявший высокий, обросший тяжёлыми доспехами и шипами перевёртыш, только что пошатнулся и наступил ему на ногу. Обернувшись к пострадавшему, немалого роста тип только улыбнулся, увидев, что неприятность доставлена не кому-нибудь, а крылатому. Тихая, лукавая радость засветилась в глубине треугольных зрачков громилы. И как они всегда так успешно отличают крылатых от прочих видов разумных? Крылья-то всегда отозваны. Рост? Бывают высокие люди и фиты. Зрачки? У людей они тоже круглые. Но бороды и усов нет, черты лица мягкие, не слишком выраженные – наверное, так. Впрочем, бороды люди чаще всего сбрасывают. Да и крылатые обычно золотистые, светловолосые, а Тони – нет. Почти все крылатые клана Сильверстоунов белокожи и черноволосы. Нет, не понятно. Наверное, нюх у них, у этих перевёртышей.

Шипастый даже не ответил на "живое существо" Тони фразой вроде: "Сейчас будет мёртвое, приятель!" и не попытался врезать. Тогда как, по мнению крылатого, всё к тому и шло. Поменяйся бы они ролями, Тони наверняка использовал бы даже самый малый повод сунуть в морду.

А, всё-таки, у преспокойно отвернувшегося шипастого, так называемая "кость" наростов заметно поблескивает металлом. Любой человек, заметивший это, даже не пикнул бы, наступи ему на ногу такой перевёртыш. Конечно не от того, что не воспринимает боли – только эскорты в этом смысле бесчувственны – а от того, что испугался бы вступить в конфликт с этим громилой. Как известно, с незнакомыми шипастыми, с заметным содержанием металла в теле, лучше не связываться. Значит, дело в отсутствии страха – так перевёртыш понял, что досадил именно крылатому. Крылатые ничего не боятся. А перевёртыши? Они, случается, бывают умны. Но не так уж часто, чтобы победить, благодаря этому.

Между тем, первый день лета 34-го года эпохи Трора Сапфира в империи Бесцейна праздновали особенно ярко в столице – Ньоне. Здесь лето длится пять из тринадцати лунных периодов. Почему бы не отметить начало лучшего и самого длительного времени года?

Перевёртыши-актёры, поднявшись ещё выше в небо, развернули гигантские полотна, плавно и быстро, кружась, образовали форму шара и закрылись тканью от всего мира. Синезелёная шёлковая планета вращается на фоне ясного звёздного неба. Ровно. Всё как надо.

Тони перевёл дыхание. Получилось. Оглянулся. Толпа смотрит; все они так же перевели дыхание. Построение гигантской и, честно говоря, шишковатой сферы у перевёртышей – в порядке вещей на войне. Но чтобы шар был гораздо меньше, предельно ровный, да ещё вращался – такого раньше не было.

Теперь пришло время построения лун и имитации их оборотов вокруг планеты. А ещё собственное вращение? Нет, актёры не подвели. Тони снова задышал. Всё. Теперь уже можно не волноваться. Остальное – типично. Театр масок легко справится дальше. В конце концов, все где-то раньше служили, все – профессионалы. Роли заучены до такой степени, что будут исполняться даже в полумёртвом состоянии. Хорошо, что последнее не требуется.

Представление, конечно, фееричное для большинства. Но крылатые и фиты только интуитивно понимают его смысл. Люди – чуточку лучше, но далеко не все. Потому Тони, адаптируя традиционный театр масок перевёртышей для выступления в небе над столицей, постарался сделать акцент на яркости представления. Ведь если для подавляющей части подданных импе-

ратора смысл укроется, то красота происходящего мимо глаз не пройдёт никак. Мало кто способен интересоваться смыслом красивых закатов и рассветов. Ими просто любуются.

Почему нельзя любоваться тем, что красиво?

Моргана Аргиад-Валери, признанная Красивейшая женщина империи, прижимается к губернатору – нынешнему мужу маркизу Валери – и единственному выжившему дядюшке Тони. Долго жившая в качестве любовницы каждого из принцев-перевёртышей, Красивейшая эскортесс лишь примерно понимала смысл происходящего, но совершенно точно отметила разницу – необыкновенный размах представления. Об этом говорили её глаза – Тони хорошо узнал тётушку с тех пор, как она стала частью семьи.

Всё это замечательно. Для неё, эскортесс, никогда не вдававшейся в детали. А, значит, и для значительной части собравшихся на площади, даже не планировавших стать зрителями.

Выступление театра, впрочем, можно увидеть, находясь довольно далеко от Цитадели. Ни одна сцена не может быть так удачна в этом плане, как небо.

"А где моя жена, чёрт возьми?" – вдруг задался вопросом Тони.

Если бы было всё как прежде, она сейчас стояла бы рядом с ним.

Представление прошло великолепно. Подданным императора совершенно точно понравилось; и восторг толпы выстрелил в голову Тони зарядом чистой эйфории.

Это полная победа. Его собственное, целенаправленное достижение в мирное время.

Ощущая себя очень пьяным, хозяин театра масок нашёл в толпе свою жену, привёз её домой... и рассказал ей о внебрачном сыне.

Он изменил ей через пять лет после заключения брачного контракта. В первый и последний раз.

За тридцать девять лет супружеской жизни жена-перевёртыш так ни разу и не забеременела. А случайно встреченная одной безумной ночью женщина-человек – да, и с одного дурацкого, неуклюжего, нетрезвого раза.

На лице супруги всё же... никаких эмоций.

– А как его зовут?

– Дэниел Масс.

– Я запомню, – вздохнув и поправив волосы, с прохладцей сказала она.

Крылатый и перевёртыш – муж и жена. Это редкий тип брака. И редкая женщина. Невозмутимая, сдержанная до невозможного. Предскажи ему ясновидящий предок Си сто лет тому назад, что Тони попадёт в сети к такой леди, он бы не сразу поверил во вменяемость принца Сильверстоуна. Но сейчас ясно, что иначе быть и не могло. Чайна Циан слишком притягательна. Её внешность необыкновенно влечёт. Густого сине-фиолетового оттенка почти чёрные волосы, заплетённые в косу, спускаются вдоль идеально ровной и прямой спины до самой... самого... стула. Подбородок почти всегда гордо поднят, но красивые синие глаза не смотрят высокомерно. Холодного оттенка смуглая кожа иногда отликает густым индиго, а прикоснись – горяча. Чайна Циан всегда дышит часто-часто, и это заметно, или вовсе перестаёт дышать, когда слушает или готовит ответ. Её сердце всегда колотится как сумасшедшее. Если она вздыхает всё-таки улыбнуться – радости и смеха в её глазах всегда в разы больше, чем в изогнутой линии неярких губ маленького рта. Плечи, грудь, бедра – всё крутое, упругое и крайне женственное. Талия такая тонкая! Фигура правильная настолько, что руки чешутся и невозможно не коснуться. Пробивает насквозь при одной мысли, что этим богатством может владеть другой. Но любому мужчине, кроме Тони скоро бы наскучила эта недвижимая красота. Чайна Циан совершенна... Но эта женщина не сдвинется с места без какой-либо серьёзной причины. Она не станет развлекать, веселить, петь по собственному желанию. У неё не бывает порывов, затмений, инициатив и идей, интересов, ярких эмоций. Она, словно камень, безразлична и тиха. При этом Чайна Циан далеко не идиотка...

– Надеюсь, ты изобьёшь меня до полусмерти, – высказался Тони.

Вспышка ярости, обиды, желания мстить, даже в такой женщине была бы понятна. Но... этого всего нет. Чувства в жене не наблюдаются.

"Зато цел остался" – мысленно отметил Тони.

– Ну, я же не одна из твоих истероидных актрис, – произнесла Чайна Циан.

– О. Конечно. Всегда полна собственного достоинства – княжна Чайна Циан Лифордская.

"Я что, ещё нарываюсь?"

– Попридержи сарказм, граф Эшберн-Фольманский. Я давно уже не Лифордская княжна и тоже кое-что должна тебе сказать.

– Весь внимание.

– Я приняла предложение принца Адмора. Работаю штатным лаборантом в его исследовательском центре. Уже две недели.

– И ты так спокойно говоришь?! – вырвалось у Тони.

Весь мир свернулся в клубок и был отброшен во имя сегодняшнего представления театра масок. Тони не заметил бы обрушения дворца, в котором жил, не то, что... этого...

Он закрыл глаза. Вздохнул. Эйфория давно ушла, отступила перед натиском не самых лучших чувств. Трезв, но голова всё равно почти не работает.

– Это развод, – придавлено признал он. – Я говорил тебе, что не приму подобного. Уезжай сейчас же. К Шерил в Белые Колонны, или к Ретту Адмору в предел – мне всё равно. Просто сделай это сейчас же. Бумаги начнём готовить завтра.

– Хорошо, – ровно сказала Чайна Циан и поднялась. – Я попрошу Мелиссу заняться моими вещами.

– Ей не хватит и года, чтобы очистить мою гардеробную от десяти тысяч пар твоих туфель.

– Их не так много.

– Тысяч пять? – с кривой улыбкой поморщился Тони. – Всё равно многовато.

– Ты не унываешь, – мягко отметила Чайна Циан.

Тони поймал любящий, нежный взгляд жены. А затем она просто ушла. Без слов и сожалений.

В таком случае, все эти её взгляды – что это было? Только ли дело в том, что она – перевёртыш, а он – крылатый? Только ли дело в том, что он придавал слишком много смысла каждому её выдержанному, точно отмеренному жесту, каждому полутону её чистого, ясного голоса?

Не думать. Позже, когда всё придёт в норму, он точно сделает правильные выводы.

Ночь. В последние годы он, бывало, ложился спать один – Чайна Циан засиживалась за книгами до утра. И утром, не однократно, просыпался тоже один – жена уже отбывала в университет. Значит, будет не так уж непривычно одиноко.

И действительно, утром не сразу вспомнил, что чего-то не хватает. Самочувствие отличное. Отсутствует тревожность глубоко внутри – это выступление театра масок, прошедшее вчера и удавшееся на славу, сняло всякое напряжение. Но вот дальнейшие воспоминания сделали сложным и тяжёлым каждое движение. Возился с одеждой дольше обычного. Всё – дольше обычного.

Надо спуститься вниз, в гостиную, и рассказать родственникам о том, что Чайна Циан здесь больше жить не будет.

Все уже завтракают. Собрался, натянул улыбку на лицо и вошёл в столовую.

– Доброе утро, клан! – произнёс Тони обычным легким, весёлым тоном.

– Ты опоздал к завтраку, – отреагировал герцог Сильвертон – глава клана Сильверстоунов, – останешься без еды.

– Я и к началу войны опоздал родиться, но в стороне меня не оставили, – парировал Тони и уселся на своё место.

- Наглец.
- ...Моё второе имя.
- Реджинальд твоё второе имя, – пробурчал дядя Брайан.
- Ты какой-то не радостный.
- Это ты не радостный. Отбрось лицемерие и скажи, что у тебя не так.
- Это не для завтрака. Это для клансбора.
- Хорошо, после завтрака поговорим.
- А не я здесь решаю такие вещи? – холодно поинтересовался герцог.
- Да какая разница, – с непроницаемым лицом ровно, без эмоций, возразил Брайан. И

добавил: – На данный момент.

Тони почти полностью потерял аппетит. Захотелось чего-то... невозможного сейчас.

– Так что ты хотел сказать? – спросил герцог, усаживаясь в своё привычное кресло в белой гостиной.

Герцогиня уселась рядом с супругом, и, сложив руки на коленях, обратилась в слух. Остальные родственники вели себя тихо. Не сияющий благостно "почти святой Брайан" и не унывающий Тони, у которого плохо получается скрывать, что у него что-то не так – это очень плохой признак. Очень.

– Вчера я и Чайна Циан вскрыли карты. То, что мы узнали друг о друге, оказалось достойно разрыва брачного контракта.

Все молчали. Герцог, однако, среагировал почти сразу:

– Ты, полагаю, изменял ей. О тебе болтают, что ты не пропускаешь ни одной актрисы. Но ты сказал, что узнал что-то о ней. Чайна Циан никогда не сделала бы ничего плохого. Она, перевёртыш, по своим качествам крылатая больше, чем половина знакомых мне женщин. Она честная и чистосердечная, безыскусная, прямолинейная и добрая. Что, скажи мне, она могла сделать?

Поскольку Тони сразу не нашёлся с ответом, герцог продолжал говорить, свирепея:

– Полагаю, она уехала к Шерил. И, знаешь, даже если тебе будет от этого паршиво, и, более того, как бы тебе от этого не было паршиво, я намерен вернуть Чайну Циан. Она часть клана. Мы дали ей свою фамилию, когда её отец отказался от родства с ней. И, что бы между тобой и ней ни происходило, она должна жить здесь, в Нью-Лайте. А ты мне отвратителен. Такие как ты, не способны удержать ни одну в мире женщину. Притвориться, что ты достоин уважения хоть в чём-то, и удержать жену. Вон с моих глаз.

Герцог умеет разговаривать, отличный дипломат, предводитель крылатых планеты в прошлом; он хорошо знает цену громким фразам, а так же зубовному скрежету и тихим проклятиям, брошенным вслед. И сейчас он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что сказал. А Тони, после услышанного, вкупе с явным презрением герцога, оказалось сложно собраться с мыслями.

– Прежде всего, есть нечто, – заговорил всё же Тони, не двинувшись с места, – что клану следует узнать обязательно. У меня есть сын. Его зовут Дэниел Масс, ему тридцать три года...

– Вот оно!.. – прошептал кузен Тони, Шип Валери.

– Ночь Багровых Лепестков? – протянул Даймонд – сын прародителя, Сапфира Сильверстоуна.

– Она самая.

– Знаешь, я, пожалуй, не удержусь, – пророкотал герцог, поднимаясь с кресла.

Последнее, что из увиденного запомнил Тони, кроме разъярённого лица и заливших глаз главы клана, это тяжёлый кулак герцога, несущийся навстречу.

Моргана тихонько вошла в спальню Тони, где он приводил себя в порядок, пытаясь убрать посеребrivшуюся кровь с лица. Отметина на лице осталась – будь здоров.

– Как так вышло? – с лёгким возмущением обернулся он к Красивейшей.

– Ты надолго отключился, а твой дед запретил исцелять тебя. Свеча точно истаяла за это время – теперь только ждать, когда само регенерирует.

– Мог бы и не спрашивать, – сделал вывод Тони. – И сколько такие штуки проходят сами?

– Не знаю. Я же эскортесс, на мне всё за пару мгновений заживает.

– Повезло, – Тони уселся у туалетного столика жены. Все её баночки, скляночки и порошки на месте.

– А ты на войне уж наверняка насмотрелся на раны, но не знаешь.

– Ну, там, бывало, ни одного живого места на теле не было, так что и не замечали... Но, помню, у Джереми, после стычки с Брайаном, была такая же штука, только больше, забавная, в форме крылофитской "Ко". Исчезла за пять дней. Я так сокрушался. Когда исчез тот синяк – то есть.

– Значит... на пять дней нужно придумать что-нибудь... Я принесу краски для лица. Рэйн научил меня ими пользоваться.

– Каждое утро ждать, когда ты вылезешь из постели, чтобы намалевала мне... Помню, что дедуля кулаком вломил... а выглядит, будто ногой. Он точно меня не пнул потом по тому же месту?

– Нет. Но...

Моргана подошла к Тони, рассматривающему видимый урон от несдержанности главы клана. Руки Красивейшей сначала опустились Тони на плечи, а затем принялись перебирать его чёрные, отливающие пепельно-зелёным, волосы. Прикосновения её рук приятны. Он закрыл глаза. Спиной и затылком чувствовал тётушку, слегка приобнявшую его сзади. Они всегда считались друзьями. Но почему так уж аморально слегка хотеть её? Это не угнетает, это бодрит.

Почувствовал, однако, немного туманно, как она поцеловала в ту из скул, что осталась в целости. Белые волосы жены дядюшки Брайана упали Тони за ворот рубашки. Красное кружево платья коснулось его шеи. Он подавил желание посадить красавицу себе на колени. А она сглотнула, словно...

– Щекотно, – только и сказал он.

Сдержанности его учить не надо. Научен женой.

В комнату вошла Мелисса. Ещё одна тётушка – младшая, сводная, единственная сестра пропавшего отца Тони. Собственно, самая молодая женщина клана. Её прелестное личико в обрамлении золота волос и стройную фигурку в светлом платьице, кроме как милыми и любимыми не назовёшь.

– Мама сказала, что другого поступка от отца она не ожидала, – быстро сказала Мелисса, усаживаясь на ближайший стул.

Все некоторое время осматривали следы на лице Тони. Ссадина на лбу, разбита бровь, повреждена часть скулы. Герцог фантастично избивает родственников. Казалось бы, два-три удара, а сколько следов. Ну и кулачищ-ще. А с виду так не очень.

– Оливия права, – признал Тони. – И дед, в общем-то, тоже прав. Потерять Чайну Циан просто... Но так вышло. Не думаю, что я виноват. Нам было сложно быть вместе с самого начала. Но мы справлялись тогда. Сейчас – нет. Вот и всё.

– И где сейчас Чет? – поинтересовалась Мелисса. – У Шерил?

– Наверное. Хотела, чтобы ты собрала её вещи и переслала их, – он не сдержал вздоха.

– Когда же это случилось? – несколько сочувственно прозвучал голос Мелиссы.

– Вчера вечером. Ночью. Где-то так.

– Ты был пьян?

– Нисколько.

– И сказал ей о... об этом своём ребёнке? – вступила в разговор Моргана.

- Да.
- А она в чём созналась?
- Что работает с Адмором.
- И?.. – поторопила Моргана.
- И всё. Этого не достаточно? – посмотрел на эскортесс Тони.
- И всего-то? – изумилась Мелисса.

Моргана несильно шлёпнула Тони по больному месту. Обе тётушки постарались заглянуть ему в глаза, склонив и приблизив к его лицу свои красивые, розовеющие от возмущения мордашки.

- Ты соображаешь? – с напором спросила одна.
- Где справедливость? – спросила другая.
- Ты понимаешь, что это уму непостижимо? – вопрошала одна.
- Где твои мозги?! – звенел голос другой.
- Не лезьте, – только и смог вставить Тони.

Тётушки никогда не испытывали особой любви друг к другу, Моргана – бывшая жена принца империи Рэйна Росслея, а Мелисса – того же принца нынешняя официальная невеста. Но сейчас спелись.

– Но это же!.. – задохнулась Моргана, выпрямилась, упёрла кулаки в бока и посмотрела на Мелиссу.

– ...Уму непостижимо! – закончила Мелисса, так же выпрямившись и встретившись взглядом с Красивейшей.

– А что? – похлопал глазами Тони.

– Ты изменил ей. Она тебя не убила, – перечисляла факты Мелисса, загибая пальцы. – И, после этого, ты сумел оскорбиться, узнав о её работе у Адмора! – теперь её руки взметнулись вверх.

– Ты сегодня такая энергичная, – медленно проговаривая, отметил Тони, с опаской глядя на руки Мелиссы.

– Это невероятная наглость с твоей стороны, – покачала головой Моргана. – Так обходиться с женщиной, быть таким требовательным к той, кто тебе всё прощает. Что это? Как это называется? Мужчины, чёрт возьми!

– Не хочу говорить об этом, – скривился Тони, нахмурился и тут же застонал от боли. Пока лицо немного не заживёт, лучше не гримасничать. – Уйдите.

– Да с радостью! – сообщила Мелисса, и тётушки зашагали прочь.

Моргана, однако, порхнула обратно. Несколькими движениями взлохматила его волосы, затем приладила и положила высвободившиеся пряди поверх ссадин. Получилось что-то вроде длинной чёлки с косым пробором. Тони уже полторы сотни лет такое не носил.

– Романтический стиль, – прокомментировала Красивейшая и убежала.

– Удачно, – отметил Тони, разглядывая себя в зеркале.

Где-то в узоре рамы зеркала он увидел россыпь листьев. Вспомнил своё любимое ощущение – прохладный, влажный листопадный лес вокруг, и согревающая рука Чайны Циан на щеке. Было так хорошо.

...Но Осенний дом хотя бы останется.

Вошла следующая партия посетителей. Дядюшка Брайан и сын прародителя-ясновидящего – крылатый принц империи Даймонд Лайт.

– Какая трогательная забота о собственном лице, – произнёс Даймонд, узрев Тони подле зеркала. – Уже планируешь рейд по домам свиданий?

– Кто бы мне дал времени хотя бы подумать об этом, – парировал Тони. – По собственной воле.

– Девчонки навешали? Избили словесно за потерю Чет?

- Я стонал.
- И поделом тебе, придурок.
- Знал, что ты поддержишь меня, – фыркнул Тони.
- Но, я полагаю, – осторожно заговорил Брайан, – ночь ушла не на составление разводных бумаг?
- Нет. Не моя ночь – точно.
- Вот и хорошо. Если Чайна Циан не будет торопиться, а мне что-то подсказывает, что не будет, то и ты, малыш, не слишком гони. Это герцог сразу всё воспринимает буквально, а леди, насколько мне известно, изменчивы.
- Да, – с некоторым сомнением посмотрел на Брайана племянник. – Через сколько разводов ты прошёл, говоришь?
- Это ты правильно подметил, Энтони, но я близнец твоего отца, перегруженного опытом расставаний. И он бывал со мной предельно откровенен. Всё ещё может измениться. Так что не торопись праздновать.
- За спиной Брайана открылась дверь. Вошёл сиятельный герцог собственной персоной.
- Никогда не считал празднование развода достойной традицией, – сухо проговорил Сильвертон. – Это оскорбляет леди.
- А я не против, если это помогает некоему господину взять себя в руки, – протянул Даймонд.
- Некоему господину можно помогать подбирать сопли до бесконечности. А развод – это трагедия, – гнул своё герцог. – И радоваться тут нечему.
- Драма, – внезапно уточнил Тони. – Не трагедия.
- Мы все потеряем члена семьи, – по голосу герцога слышалось, что он снова начинает выходить из себя. – Я теряю внучку, пусть и не родную. А ты думаешь только о себе, эгоистичный, мелкий...
- Виноват!.. Понял я, не трудись продолжать. С каким скрежетом ты, должно быть, отдавал моих сестёр замуж.
- Мы оба знаем, что я тогда предводительствовал крылатым всей планеты. И на свадьбах плакал преимущественно твой отец.
- А, ему лишь бы поплакать...
- Герцог наклонился к лицу Тони, сложив руки на груди, и с напором приказал, как будто не в первый раз:
- Чайну Циан – верни!
- Нет, – Тони почувствовал, что тоже начинает злиться.
- Почему?
- Не твоё дело, герцог, – процедил Тони.
- Ясно, – с откровенным неудовольствием выпрямился герцог и перевёл взгляд на Даймонда и Брайана. – Скажите ему, что упрямам я выбиваю зубы.
- Вот уж что будет регенерировать долго... – протянул Даймонд, заранее сочувствующе глядя на Тони. На деле в нём сочувствия ни капли.
- Нет, ну если она не выскочит за Адмора при первой же возможности, то я готов прислушаться, – прошипел Тони, сдержав желание устроить драку с собственным дедом. – Но я посмотрю, как ты будешь плакать на такой её свадьбе.
- Герцог молча воззрился на Тони.
- Она была невестой Адмора, – продолжал внук главы. – Красивой и сильной дочерью принца Ли. Ослепнув и потеряв ценность для своего отца, она естественно приняла мою заботу. Сейчас она снова красива, сильна и ценна. Зрение и рефлексы – в норме. И снова вокруг неё крутится Адмор. А дочерью Ли она так и осталась, кто бы и что ни говорил. Всё просто возвращается на прежние места.

– Адмор, говоришь? – заметно нахмурился герцог.

– Так что оставим Чайну Циан в покое. Меня интересует мнение клана о возможном родственнике.

Герцог, всё ещё хмурый, хмыкнул.

Тони вскинул бровь.

– Ты сам-то его видел? – наконец позволил сменить тему Сильвертон.

– Видел ли я собственного сына?

– Он сам-то знает о тебе?

– Всё знает. Но его мать – человек. Мальчишка нормальный, но, сам понимаешь, несколько более хрупкий, чем мы, чистокровные крылатые. Прими он наше имя, не сделает ли его это военнообязанным первого порядка? И не сделает ли это его лёгкой мишенью для ударов по тебе, Сапфиру и Даймонду?

Взгляд Ричарда Сильвертона потяжелел дальше некуда.

– Клансбор вечером, – объявил герцог и вышел.

– Ждём вечера, в таком случае, – сказал Брайан и тоже покинул спальню.

– Счастливо оставаться, неудачник, – выдохнул Даймонд, засобиравшись прочь.

– Иди сюда, красавчик, – отреагировал Тони. – Ты меня как назвал?

– Хочешь ещё раз по лицу получить? – вернулся Даймонд.

– Нет, этого хочешь ты.

– А я уверен в обратном.

– Уверен?

– Да.

– В таком случае, ты слишком ласков.

В кровь Тони будто впрыснули не то что бы уж свойственный крылатым кураж. В огромной дозе. Потому, когда Даймонд накинулся на него, он едва ли не радостно рассмеялся.

Они с Джереми провели почти всю юность на войне. Эйфория крылатых, проклятие чистокровных молодых представителей вида, заставляла их чаще всего в бою, и это воспитало в них склонность любить хорошую потасовку не менее вкусной еды, крепкого сна и быстрого, ни к чему не обязывающего секса. Даже довольно сильная боль (а в стычке с Даймондом она только такой и бывала) уже не воспринималась как нечто, способное прекратить дальнейшие эпизоды кровопролития.

Но сейчас эта боль почти приятна.

"Я что, наказываю себя?" – внезапно поразился Тони, морщась и снова поднимаясь прямо навстречу кулаку родственника. – "Похоже, очень похоже на то – вот прямо сейчас!"

Родственник постепенно превращал лицо Тони в противное месиво. Кровь попала на волосы.

Но! Если исцелиться сразу после драки, кровь остаётся на коже, но ран и ссадин уже не будет. Даймонд не смог не врезать в то же место, что и герцог утром. И, благодаря своевременному исцелению, часть следов, оставленных гневливым дедушкой, ушла сразу и навсегда.

– Ах ты хитрый, мелкий... – почти пролаял Даймонд, приводя себя в порядок и заглядывая в самый большой кусок разбитого теперь зеркала, застрявший между туалетным столиком и стеной, и потому не упавший на пол, подобно другим. – Ты меня использовал.

– Как девку, – удовлетворённо ответил Тони, аккуратно поднимая один из осколков и оглядывая своё лицо.

Он всё ещё полулежал там, куда его свалил финальный удар Даймонда. Всё-таки сын ясновидящего – древнейший. Опытный, сильный, со скрытыми талантами и не чуждый магии крылатых. Даром, что Красивейший мужчина в империи. Умный. Но почему-то всё время ведётся на подначки Тони. Наверное, даёт повод попытаться отомстить за ослепление Чайны Циан. Но теперь Чет... отошла в прошлое...

– Не боишься, что избыть теперь серьезнее? – поинтересовался Даймонд, стряхивая с кулаков свернувшуюся кровь, на глазах обращающуюся серебряным песком.

– У тебя сейчас нет подходящего настроения. Ты уже размялся и хочешь вернуться в свою лабораторию.

– Верно, – не глядя согласился сын предка, стряхнул блестящую пыль с плеча и ушёл.

Тони осторожно приподнялся и сел, прислонившись к стене спиной. Оглядел следы борьбы с одним из старших Сильверстоунов.

Ближайший столбик кровати словно срезан, письменный стол в углу и кресло у камина испорчены, пара стульев – в щепу, зеркало – в осколки. Порошки Чайны Циан свалились на пол и частью рассыпались. Драки Сильверстоунов между собой означают если не ремонт стен дома и его отделки, то смену мебели и стёкол – наверняка. Тони знал это, нарываясь на драку с Даймондом.

За тем столом работала Чет. То кресло тоже любила она. В зеркало часто смотрелась, когда зрение вернулось. Кровать эту любила не меньше.

Прощай.

– Итак, у Тони есть сын, – начал семейное собрание Сильвертон после ужина. – И он утверждает, что этот полукровка, получеловек, получился вполне нормальным.

– Почему мы всё время делаем это после еды? – возмутился Даймонд. – У Мелиссы так начнутся проблемы с желудком.

– Мелисса?

– Я в порядке, – откликнулась тётушка, холодно глядя на Тони. – Врежь ему, папа.

– Да я бы не прочь, – медленно произнёс герцог, – но разве тебе не любопытно услышать о своём внучатом племяннике? Это огромная редкость – нормальный полукрылатый ребёнок.

– Есть такое.

– Тони, ты видел его кровь? Кровь своего сына?

– Да, серебра в ней хватает.

– Это придаёт уверенности, – кивнул-пошутил Сильвертон. – Итак, если мы примем его в семью, как правильно отметил Тони, он станет самой лёгкой добычей для врагов. Потому мы, естественно, объясним ему риск, и он будет вправе отказаться. Оливия знала, на что идёт, выходя за меня, но у неё хватило мужества принять жизнь под угрозой мести перевёртышей. Таким образом, быть членами клана Сильверстоунов могут быть только сильные духом разумные, не зависимо от цвета и состава крови.

Герцог взглянул на Моргану и продолжил:

– Далее, в защите Клервинда от нападений извне нечистокровный потомок Сильверстоуна, – герцог еле заметно кивнул в сторону Сапфира, древнейшего из древнейших известных крылатых, – участвует безусловно. Но только в том случае, если он способен к призыву крыльев и меча. В противном случае, будет допустимо пройти обучение и поступить на службу в тот род иррегулярных войск, который подойдёт ему лучше всего с учётом способностей. Ни один взрослый мужчина клана никогда не сидел, и не будет сидеть в убежище во время нападения извне – это аксиома.

– А Брайан? – спросила Мелисса.

Она родилась за восемь лет до конца долгой войны крылатых и фитов против перевёртышей и людей. В то время Брайан носил сан кардинала церкви и соблюдал все полагающиеся обеты.

– Когда он служил Единому, то, насколько мне известно, делал это на поверхности, не прячась от перевёртышей... Как ты, кстати, выжил вообще? – вдруг спросил герцог своего сына.

Глаза Брайан отвёл, вспоминая времена войны, за всё время которой только однажды сорвался и призвал меч.

– Убивать наш орден запрещал, но втащить в морду потенциально угрожающим нашему служению.... да во имя всего светлого, вовсе не возбранялось. А как? Увернулся – ударил, увернулся – ударил. Сильнее. Кулак исцелил и опять: увернулся – ударил, увернулся – ударил. Всё.

Герцог в который раз проглотил ругательство. Но затем сделал вывод и продолжил:

– Отлично. А в том случае, если твой, Тони, сын, не согласен с нашей традицией и при этом не мечтает заточить себя в монастыре веков на десять-двадцать, он не имеет права наследовать тебе. Ни в коем случае.

– Вообще никак? – поразила Мелисса.

– Вообще. Никак. Сапфир и Даймонд могут опять улечься спать тысячелетий так на пять, а мы все можем умереть, если Классик, Ли и Адмор плюнут на империю и решат выместить зло на нас. И в этом случае слабак и трус будет называться принцем Сильверстоуном?! Либо будь силен телом и духом, будь бесстрашен, и имей титул, земли и права наследовать принцу и советовать императору, либо оставайся шелухой.

– Но если он получеловек, то ему может быть свойственно бояться, – спорила Мелисса. – Для некрылатых это нормально.

– Я знал абсолютно бесстрашных чистокровных людей, которым вовсе не сулили безбедную жизнь и почёт за их храбрость. Перевертыши и фиты? Они спасаются бегством? Бывает, но не так уж часто. Ты понял, Тони, что требуется сказать сыну? Но если даже он откажется, то всё равно привези его. Мы должны увидеть его и познакомиться с ним. Почему ты не говорил о нём раньше? Из-за Чайны Циан?

– Из-за договорённости с его матерью. Она что-то слышала о врагах нашего клана, и, само собой, ей не хотелось потерять сына слишком скоро.

– А сам как думаешь? Он согласится принять имя?

– Практически уверен, что нет.

– Почему?

– Любовь к актрисам, – с небольшим сарказмом начал Тони. – Она, оказывается, передаётся по наследству. Только, в отличие от меня, прикрывающегося владением театра, Дэниел притворяется актёром. Лет с одиннадцати. А за актрисами увивался вообще лет с семи. Такая сильная любовь...

– Так он...

– ...Предпочтёт голодать на подмостках.

– Предложи ему... – начал Сапфир и осёкся. Набрал воздуха в грудь и продолжил: – Профинансируй нечто вроде экспериментального театра. Дэниел играет на сцене уже большую часть жизни. Восторги поклонниц наверняка уже успел собрать и насладиться ими. Но он серьёзный парень. Значит, ремесло он более или менее освоил, и точно захочет заниматься чистым искусством. Внешность у него скорее человеческая, потому первое время никто не будет соотносить его с кланом. Когда правда раскроется, он уже будет неплохо владеть мечом и сможет сам защитить своё увлечение. Немного позлословят, что он пошёл в Роджера и сцена нужна ему для оболыщения, но на этом – всё. Он сумеет и себя отстоять, и имя не уронить. Что касается военного призвания, то... крыльев у него не будет никогда. Меч призвать сможет, если Даймонд с ним поработает. У него способности к математике, так что наземная артиллерия. А в будущем появятся новые подразделения войск, и кое-что подойдёт именно ему.

– Вот и хорошо, – помолчав, сказал герцог.

– Дэниел ангелоподобное, нежное существо, – добавил Сапфир. – Его невозможно не любить. Вот увидишь, Ричард. Тебе будет плевать на его увлечение сценой и на то, что он

недостаточно крепок. А что на счёт его некоторой... схожести с Роджером, так ты перестанешь замечать её, когда пройдёт немного времени.

– Что ты имеешь в виду под схожестью? – насторожился однако герцог. – Что ещё?

– Что-то неуловимое передалось ему. Может, потому любовные сцены в его исполнении будут так хороши. Леди будут с ума сходить.

И Сапфир немного смущённо улыбнулся.

– Тони, привези его, – сказал ясновидящий. – Как можно скорее.

6.5.34. – Шестой день пятого лунного периода тридцать четвёртого года эпохи Тerrorsа Сапфира.

Кира Масс спокойно шла по хорошо выметенной улице. Её крохотный коттедж находился в двадцати минутах ходьбы за Педделстоксом. Она возвращалась домой, сделав почти все нужные покупки в магазинчике, в котором работала её старшая дочь, Кэрри.

Показалась крыша швейной мастерской – там работает Джина. Младше Кэрри всего на два года. "Зайду, оставлю ей перекусить", – решила Кира, но тут же передумала: – "Нет, она будет ругать на меня за то, что опять отвлекаю всех".

Так, Кира шла дальше, и наконец, поравнялась с единственной гостиницей в городе – небольшим трёхэтажным зданием, зажатым между похожими каменными домами – сегодня там в посетителях не нуждались, потому что номера наверняка уже забиты до отказа. В театре давали "Забытый цветок" и обеспеченные дамы с округи приезжали, что бы посмотреть на сына Киры, её младшего ребёнка, исполняющего главную роль. В такие дни женщина испытывала особенную гордость. И улыбалась отнюдь не со зла, когда слышала, что какие-то леди перессорились из-за мест в гостинице или театре. Ребёнок вырос в очень привлекательного мужчину.

Вот и теперь возле гостиницы царило оживление, обещающее превратиться в гвалт. Но посреди лошадей, богатых леди и прислуги, высился чей-то холёной внешности широкоплечий муж, слишком хорошо одетый для провинции. И его отчётливо-знакомый разворот плеч испугал Киру – сделал её шаг скорым, заставил опустить голову. Вдруг увидит, вспомнит, будет несдержан? Слухи испортят Дэниелу жизнь.

Но тут внимательный слух Киры уловил голос мужчины, и сердце мгновенно отпустила хватка страха. Это же граф Эшберн! Он выглядит более... более... элегантно, когда бы то ни было. Но его манеру разговаривать, то насмешливо, то язвительно, не так-то просто подделать. Впрочем, у Дэниела с детства это отлично получалось. Может, с того и началось увлечение мальчишка игрой – с попыток изобразить собственного весьма харизматичного отца.

Кира остановилась и принялась любоваться мужчиной, который подарил ей Дэниела. Крылатые, конечно, все хороши собой, но потомки принцев всегда выделяются из толпы. Кроме того, они внимательнее прочих, у них так обострено восприятие, так сильны инстинкты, что сразу почувствовать чей-то взгляд в толпе для них не составляет труда. Таков был и Эшберн из Сильверстоунов. Он обернулся и бросил взгляд именно в то место, где стояла Кира.

– Я затылком почувствовал тепло, – с улыбкой рассказал он, когда подошёл, подведя за собой ухоженного жеребца, стоившего, пожалуй, столько же, сколько вся гостиница. – Вы знаете, что вашими взглядами вполне можно подогреть остывший ужин?

Кира только посмеялась. Никогда не могла вести разговор с отцом Дэниела на равных. Чаще отвечала односложно или краснела и стеснялась. Иногда просто не была уверена в том, не пытается ли он её задеть или пристыдить за что-то.

– Идёмте, в гостинице сегодня мест не будет.

– Как скажете. А куда идём?

– Переночуете у Дольгеров.

– Это у тех, которые из всех слов на крылофитском выучили только "ваша светлость"?

– Вас не устраивает?

– Ну что вы, за ними так интересно наблюдать! Старшенькая Дольгеров здорово роняет тарелки и чашки. В последний мой приезд её матушка уже не стала поручать ей накрывать на стол – предпочла сама всё сделать.

– Мика вышла замуж за парня из деревни. Сегодня её не будет.

– Отец семейства вздохнёт с облегчением. Кира... когда я услышу о вашей свадьбе?

– Я... не знаю. И... я не уверена, что мне это нужно.

– Всегда думал, что свадьба – счастливое событие, предваряющее полную приятных моментов жизнь. Счастья и приятных моментов нужно каждому. Разве не так?

– Наверное, вы правы.

– Я? Прав. Но, может, я, Дэниел и дочери – мы все, только мешаем вам оглядеться вокруг? Я и Дэниел наверняка отпугиваем от вас кавалеров.

– Подождите, – Кира замерла от недоброго предчувствия. – Вы хотите забрать Дэниела? Его светлость стал серьёзнее.

– Ясновидящий предсказал ему лучшее будущее. Он сможет принять титул виконта, и при этом будет заниматься тем, что ему нравится. Он проживёт долгую жизнь, независимо от настроений в столице. Сможет обзавестись достойными друзьями и познакомить с ними сестёр.

– Принц Сильверстоун предсказал это? То есть...

– Да.

– Что вы... говорите! А как же... его родство со мной? Кто-нибудь обязательно вспомнит Ночь Багровых Лепестков и... меня подле вас...

– Мне приписывают бесчисленные связи с актрисами. Никто и не вспомнит о вас.

– Но если вам зададут прямой вопрос, крылатые увидят ложь.

– Ничто не помешает мне отшутиться, Кира. По всему Дэниелу и так крупными буквами писано, что он рождён вне брака. А как и от кого – не имеет особого значения. Всё, что он услышит от кого-либо, это намёк на то, что его отец такой же, как и его дед – соблазнитель, повеса, двинутый на холодных женщинах себялюбец... и та ещё хитрая рожа.

– Но... – Кира поморщилась, и спрятала лицо в ладонях. – Это ужасно.

– Отпустить его к богатству и большему количеству почитателей?

– Отпустить. Да. Но... не только. В Ньюне опасно. Вы прекрасно знаете это. Я однажды видела слепки с восстания перевёртышей. Драконы...

– У нас есть ясновидящий. Его дар невероятен. Он любит нас, своих потомков, и вполне готов немного переписать историю империи ради сохранения наших жизней. И если он предсказал долгую жизнь Дэниелу, то так и будет.

Кира смотрела, задрав голову, в зеленовато-голубые глаза его светлости. Такой тёплый, приятный, человечески естественный цвет. Обладателю таких глаз нельзя не верить всецело. Крылатым вообще принято верить больше, чем другим разумным.

– Дэниел сейчас дома, – вздохнула она.

– Если вы не против, я бы хотел обсудить с ним всё немедленно.

– Не стоит. Вечером на него будет смотреть множество приезжих, ему нельзя быть... рассредоточенным.

– Хорошо, тогда я подвезу вас до дома, поприветствую его и навещу милых Дольгеров. Не желаете посмотреть на их выпученные глаза вместе? Они всегда мне так удивляются...

– А, нет, но, конечно... только... я сама доберусь до...

Его светлость выслушал её возражения, затем как обычно высмеял, и, рассказывая небылицы, помог взобраться на луку седла перед собой, не позволив выронить ничего из поклажи. Кира вдохнула запах отца Дэниела, почувствовала его прикосновения и близость. Сердце сошло с ума, голова словно в тумане. В который раз она чуть не до слёз позавидовала жене графа – вот уж кто счастливица.

Посмеиваясь, они добрались до коттеджа, розово-зелёного и благоухающего до самой крыши, благодаря распутившейся стеной вьюшке. Клумбы почти горели от алых, оранжевых и жёлтых тонколепестковых.

– Через пару лет в этом цветнике будет невозможно найти сам дом, – пожаловался его светлость. – Придётся надстроить этаж. Хотя, чую, и это временная мера.

– Трёхэтажный коттедж для простых женщин?

– Четырёхэтажный коттедж для простых женщин? Башня для простых женщин? Всё зависит только от той высоты, на которую может взобраться вьюшка. Планирую соревноваться с ней и выиграть.

– Не-ет, – простонала Кира с улыбкой.

– Конечно – нет. Вы будете так милы, что избавите нас всех от этого ужаса, переселившись вместе с Кэрри и Джинной в имение Дэниела, когда он обустроит его.

– Что? Я? И Кэрри?..

Дверь коттеджа отворилась. Дэниел вышел на порог.

– Я услышал... отец!

Двое почти одинаково обрадованных мужчин столкнулись в объятиях. Дэниел, всё-таки, ужасно похож на его светлость. Увидев их двоих рядом, ещё двадцать пять лет назад, местные всё сразу правильно поняли. Но Кира была рада тому, что Дэниел не только не стал вторым Энтони Эшберном, но и чем-то определённо сильно отличается от него. Его светлость выше ростом, заметно тоньше в талии и шире в плечах, волосы тёмные, а не золотистые, как у Дэни; черты, цвет кожи и выражение лица сына несколько теплее и в целом приятнее, чем у отца. От графа иногда веет неприкрытым аристократизмом, хотя он никогда не производил впечатления чопорного, высокомерного и скованного положением разумного, в нём небрежность удивительно сочетается с изяществом и лёгкостью. А Дэниел простоват, зато очень, очень, очень мил. Рядом со своим титулованным родителем он кажется особенно полным жизни. Все очень любят Дэниела, поклонницы прикипают к нему всем сердцем. Граф же способен вызвать какие угодно чувства и эмоции: зависть, желание, страх, вину, смущение, восхищение и благодарность, но не любовь и искреннее доверие – нет, вот этого, всё же, так и не случилось.

Кира очнулась от собственных мыслей, когда Дэниел и его отец уже вовсю обсуждали жизнь в Ньюне. Она хотела напомнить его светлости о договорённости не забивать голову сына до завтра, но...

– А как ко мне отнесётся твоя жена? – серьёзно спросил Дэниел. Он ещё не сказал "да", делал долгие паузы и размышлял.

И его светлость задумался над ответом и нахмурился. Что удивительно и необычно для него.

– Ты говорил, что она крайне сдержанная женщина, – обеспокоенно начала Кира. – Думаешь, она всё-таки попытается...

– Нет, – резко сказал граф. – Мы подошли к разводу. Она уже не живёт в Нью-Лайте.

– Из-за меня?.. – изумился Дэниел.

– Из-за своего происхождения. И желания стать эрцеллет-принцессой Адморской, полагаю. Ей глубоко безразличен сам факт существования у меня внебрачного сына.

– Мне жаль, – прошептала Кира, коснувшись рукава графа. – Я была уверена, что она обожает вас.

Граф растянул губы в улыбке, посмотрев Кире в глаза:

– И потому Дэниел особенно нужен мне.

Она должна была бы в тот момент подумать о том, что Дэниел, позволив своему отцу проявить о себе заботу, исцелит рану, нанесённую холодной женщиной. Но в голове лишь осела уверенность в том, что Энтони Эшберн действительно не умеет вызывать любви к себе. Даже у тех женщин, которых, израненных и всеми оставленных, со всей заботой и внимательно-

стью, выхаживал годами. Та женщина-перевертыш была ослеплена в конце войны, и принц-отец отрёкся от неё, не пожелав выкупить из плена. И граф женился на увечной даме. Да, эту романтическую историю частенько рассказывали в Ньюоне раньше, вызывая мечтательность и с десятков вздохов у каждой слушательницы.

Кира же своей историей гордиться не могла и рассказывать её не стала бы. Тогда, в Коллуэе, она оказалась в ряду проституток только потому, что больше никак не могла заработать и накормить двух дочерей. Семья умершего мужа проявила бессердечие, след уехавших во время эвакуации родителей совсем потерялся, а других родственников Кира найти не смогла. Совсем молодая, глупая, растерянная и больная, она наверняка погибла бы и погубила бы дочерей. Но благодаря своей случайной беременности от его светлости, благодаря его заботе и щедрости, она смогла не только выжить, но и вырастить своих девочек, и заставить их навсегда забыть послевоенный голод, слёзы и ночёвки в крохотных каморках. Граф Эшберн всегда будет спасителем для Киры, Кэрри и Джины. Но благодарность, какой бы огромной она ни была – ни разу не отозвалась в ней настоящей любовью. Почему же так, интересно?

Вечером, в театре, на графа как всегда обращают много внимания – он очень заметен. Хорошо ещё, что здесь, глубоко в провинции, никто не слышал чёткого описания внешности Сильверстоунов. А если и слышали, то даже не подумали бы, что член одного из самых знаменитых кланов империи может оказаться так близко. Но... Леди стреляют глазками, ёрзают, оценивают и прикидывают, как можно завязать знакомство. Его светлость прекрасно знает, какое впечатление производит. Ему немного весело и его глаза блестят. Однако он полон собственного достоинства и специально держится так, что бы решилась атаковать далеко не каждая и не ради пустяков. Сказал, что разводится, но внешней неприступности не лишился, а значит, ещё ни и о ком, кроме своей жены, думать не хочет.

– Эй, плачь уже! Я не за молчание деньги платил! – отчётливо потребовал кто-то из зала.

Сцена требовала напряжённой, сосредоточенной игры. Если Дэниел сейчас отвлечётся, будет плохо.

– Правильно! Слезу пусти! – какой-то другой мужчина-человек метнул в Дэниела коркой хлеба.

В такие моменты Кира всегда испытывала мучительный стыд за принадлежность к виду людей. Так отвратительно могли поступать только перевертыши и люди.

И всё же это случилось – Дэни поднял глаза и посмотрел на тех двоих. Леди, замершие было, начали вслух возмущаться. Это же оскорбление их любимца. Другие мужчины зароптали ещё громче, уговаривая дам уйти, и вернуться, когда будет играть кто-то менее женоподобный или бесталаный. Но Дэни – несомненно хороший актёр. Просто он... женщины слишком млеют от его образа в полной сантиментов пьесе, и их мужчинам именно это и не нравится. Раньше доходило даже до того, что ревнивые мужья подкарауливали Дэниела по вечерам, чтобы испортить ему лицо. Чистокровный человек из всех этих переделок так легко не смог бы выбраться. Но сейчас катастрофа может произойти прямо в зрительном зале. Кира ощутила, как кровь отливает от её щёк. Хорошо, что Кэрри и Джина не пришли.

– Милейший, это вам не ресторан, – Эшберн встал, сделал несколько шагов, протянул руку и за ухо поднял одного из крикунов. – Как вам в голову пришло есть в храме искусства? Вы бы ещё на выезд императора сырную похлёбку принесли.

Кто-то похихикал, кто-то нет, а, тем не менее, Дэни едва улыбнулся, все стихли, и, когда краснеющий господин получил обратно за пазуху принесённую еду в салфетке и был выгашен за двери, представление вполне успешно продолжилось.

Ночь освежала. Но откуда-то взялась морось. Все зрители уже разошлись-разъехались, и только Кира с его светлостью поджидали Дэниела.

– Меня сейчас вырвет, – простонал Дэниел, выйдя на улицу и опускаясь на ступеньки лестницы служебного хода.

Он позволил своей реакции на произошедшее проявиться только сейчас.

– Дыши глубже, – посоветовал граф. – Ты уверен, что хочешь играть для таких? Они есть везде. В театрах Ньюна не бросаются объедками, но сорвать спектакль тоже вполне могут. Просто так. Идиотской забавы ради. Одну нашу актрису специально доводили до истерики два раза подряд. С тех пор я держу наёмников среди зрителей.

– Без разницы, – выдал Дэниел. – Я просто... хочу играть. Больше, лучше, сильнее. Даже не важно... для кого. Эмоции, в целом, у преступников и праведников, у людей и крылатых, одни и те же. А те двое просто придурки. Пара на сотню всегда найдётся – ничего не поделаешь.

– Может... – Кира помедлила, – может, домой пойдём?

Дэниел кивнул и спустился к матери. Она подняла руки к его лицу и, погладив щёки и поцеловав, сказала:

– Ты вспотел. Волосы ещё не совсем высохли.

– Да, – отстранённо отозвался Дэниел.

– Старался очень, я видела.

– Да.

– Это так тяжело?

– Это... бывает тяжело. Я опустошён. Хочу... отдохнуть. Разбуди меня завтра на рассвете. Надо заканчивать с этим местом. Я не научу их уважать театр, оставаясь тем же.

– Отлично, – спокойно произнёс его светлость.

Через три недели Кира уже просталась с сыном.

– Пиши каждый день, – морщась от подступающих слёз, просила Кэрри.

Джина, тряхнув тёмными, рыжевато-каштановыми кудрями, приникла к брату, сжав в кулачках ворот его рубашки:

– Пиши сразу нам всем, чтобы сберечь время. Мы будем читать вслух вечерами.

– Я лучше книг пришлю, – улыбнулся Дэни.

– Не шути! – Кэрри ошутимо тыкнула брата пальцем в плечо. – Пиши обязательно. В Ньюне так опасно. Вдруг ты попадёшь в неприятности, а мы даже знать не будем?

Дэниел ничего не ответил, мягко улыбнулся, расцеловал сестёр и мать, и влез в экипаж отца. Для мальчика начиналась новая жизнь.

24.5.34. – Двадцать четвёртый день пятого лунного периода тридцать четвёртого года эпохи Террора Сапфира.

Дэниел смотрел в окно экипажа почти безотрывно. Внимательно смотрел, старался подметить как можно больше. Ньюн. Огромное скопление чистокровных и полукровок, богатых и бедных, слабых и сильных перевёртышей, крылатых, фитов и людей. Отец не мешал разговорами. Хозяин четырёх театров, он неплохо знал, как важна для актёра наблюдательность, способность видеть детали и общую картину.

– Всё-таки... постарайся быть предельно учтивым, – нарушил молчание отец. – Твой прадед вспыльчив. Но это даже ерунда, если он разозлится. Лучше побойся обидеть герцогиню. Эта женщина слишком много сделала для нашего клана.

– Хорошо. Но знаешь... слово "клан" ты произносишь как-то... с нагрузкой. Заметно.

– Носить имя наследника Сапфира... это нагружает. Дополнительной ответственностью.

– Я узнаю его, Сапфира? А главу клана? Слышал, большинство Сильверстоунов на одно лицо.

– Ну, нет. Спутать можно только Сапфира и Джереми, и только в сумерках, спяну, на расстоянии ближе, чем на вытянутую руку. Они синхронно забывают о стрижке и расчёсках, так что у обоих на голове нечто вроде "я только проснулся" или "зачем сушить волосы после ванны".

– Джереми – это тот твой родной брат, который служит в космофлоте?

– Да, но он приезжает во дворец всего пару раз в год.

– Дворец уже близко?

– Да.

– Я обязательно всех перепутаю.

– Тогда... посмеёмся.

– Смейся над чем-нибудь другим! – с лёгким возмущением возразил Дэниел, но тут же взял себя в руки: – Назови мне какие-нибудь яркие, заметные черты каждого. И кто кем кому приходится.

– Да это не важно. Трое из Си – члены принсипата, принцы империи, но им обычно ни до чего – хмыкнут и пройдут мимо. А вот главу клана знать важно. Ричард Сильвертон – в прошлом предводитель крылатых на всём Клервинде. У него строгий, серьёзный вид, и серые, слегка светящиеся, переливающиеся, будто жидкий металл, глаза. Злить его нельзя. Его жена – герцогиня Сильвертон, Оливия. Самая большая драгоценность дворца. Я повторяюсь? Но её, впрочем, не так-то просто задеть. Она идеальная женщина – понимающая и добрая. У них дочь, Мелисса, моя тётюшка. Сводная, получается. Мать и дочь очень похожи, но дочь часто ведёт себя хуже избалованной принцессы крови, а мать – самое тактичное существо на планете. Она – та, кто может, с небольшой долей вероятности, спасти любого Сильверстоуна от оплеухи главы клана. Твоего деда, Роджера Кардифа, Оливия однажды спасла от смерти. Сильвертон его чуть не прикончил.

– Подожди. Правильно ли я понял? Герцог чуть не убил своего родного сына и наследника? Всерьёз?

– Да, – легко сказал крылатый папочка.

– Поворачиваем обратно, – порывисто выпалил Дэниел. – Ни к чему мне эти проблемы. Отец только рассмеялся.

– Сомневаюсь, что ты заставишь герцога так же стесняться родства с тобой, как с моим отцом.

– Я актёр, – напомнил Дэниел.

– Тогда да, вполне возможно, – с притворной серьёзностью согласился Энтони Эшберн. – Мы почти прибыли. Самый большой дворец справа – твой новый дом.

Над трёх-четырёхэтажными домами выплыл огромный белоснежный, золотистый в лучах солнца и голубоватый в тени, дворец. Половина Педделстокса могла бы с лёгкостью спрятаться внутри так называемого Нью-Лайта.

Во рту пересохло. Дэниел клацнул зубами и сглотнул.

– Убить вас за такой дворец никому не хочется? – тихо поинтересовался он.

– Помилуй, дорогой. Это пока ещё просто большая белёная хижина, и она даже не вполне достойна укрывать разом главнокомандующего поднебесными войсками, а так же ясновидящего, и красивейшего мужчину империи – трёх членов принсипата, а ещё и герцога, тысячу лет исполнявшего обязанности предводителя крылатых. И я опять повторяюсь.

– Ха... – начал Дэниел, но не смог продолжить, потому что экипаж подъехал ближе, и у нового жильца появилась возможность разглядеть "хижину" лучше.

Обёрнутый рядами кружева лоджий и галерей, словно едва удерживающих взвившиеся и заледеневшие пенные волны изукрашенных парапетами куполов, ажурных карнизов и балконов, Нью-Лайт всё рос из-за домов. Иногда становились видны внушительных размеров зелёные кристаллы оранжерей, неожиданно суровые глухие стены, составленные из гигантских полуколонн, грандиозных размеров витражи из стекла всех возможных оттенков синего и многие ряды высоких окон.

– А как это всё... – и Дэниел снова не смог закончить.

Экипаж нырнул под сень высоких цветущих деревьев, проехал через парк и оказался у парадного подъезда, с обеих сторон от которого высоко били фонтаны.

Здесь было тихо, спокойно, шумели только листья и вода, а незнакомые своими голосами птицы, едва экипаж остановился, запели так беспечно, будто вокруг не столица империи, а отдалённый заповедник. Лестница к явно крепким дверям не была высокой – всего пять ступенек. А внутри – короткая аркада и зал с прозрачным потолком. Из окон виднелись далеко расходящиеся влево и вправо крытые галереи.

– Как это всё защищается при нападении перевёртышей? – наконец договорил Дэниел. – Все значительные старые постройки плотно утыканы шипами по всей поверхности стен и крыш. А здесь почти... приглашение.

– У-у-у... Да ты больше Сильверстоун, чем я, – загадочно протянул его светлость Эшберн и прошагал вперёд.

Дэниел пошёл за ним и попал в высокий, большой прохладный зал с такой же стеклянной крышей, но уже явно защищённым двумя решётками.

– Парадный подъезд нужен для красоты... и обмана, – начал объяснять отец. – Он маскирует архитектурные элементы, призванные снизить нагрузку на опоры. Вот одна из них, – Эшберн указал на немного выступающую часть левой стены. – Справа такая же. Толщина их... шесть шагов минимум. Просвета в этих стенах не будет ещё шагов тридцать. Это довольно опасное место как для защитников, так и для атакующих. То стекло сверху... едва разобьётся, как сработает рычаг, выдвигающий лезвия. Желаящих проникнуть во дворец так просто... разрежет будто ножницами. Вообще... план дворца и его оборонительные системы изучать увлекательно и долго. Давай не сегодня. Ты должен знать только то, что в этой стороне находятся апартаменты Сапфира. Немного вглубь дворца, правее и выше, чем мы сейчас. Высокие потолки, лабиринт очень длинных, иногда узких, одинаковых коридоров и полная тишина означает, что ты забрёл на территорию ясновидящего и не найдёшь вокруг никого, кто бы помог выбраться. Но это, возможно, самое безопасное место на всей планете, и в трудные времена оно вполне может укрыть не менее двух тысяч разумных.

– Серьёзно?

– Да, вот здесь, справа, – граф похлопал по стене ладонью и ускорил шаг. – До действительно обитаемой части Нью-Лайта ещё идти и идти.

– А слева что?

– Приёмные, гостиные и залы для визитов высокопоставленных и... опасных господ. Они созданы в таком порядке и виде, чтобы этих самых гостей можно было захлопнуть наглухо и раздавить. Но эта мера припасена только для врагов клана, как ты понимаешь. Древнейшие прямо-таки готовы к абсолютно любому сценарию. В какой-то момент тебе покажется, что Сильверстоунам не нужны внешние враги – мы в любой момент готовы убить друг друга и без особенных на то причин. И мы действительно часто колотим друг друга. Но почти половина всех случаев – отработка защиты дворца и каких-либо других ситуаций. Дворец для нас скорее тренировочный полигон и напоминание о том, кто наши враги, союзники и родственники. Побывав в домах других богатеньких господ Ньюна и сравнив увиденное, ты быстро поймёшь, что мы далеко не из тех аристократов, которые имеют время, деньги и возможность коллекционировать, к примеру, хрустальные графинчики. Нью-Лайт построен не для концентрации богатств клана. Здесь этого никогда не будет.

Дэниел проследил за рукой отца. Тот показал на словно разбитую огромным тараном стену.

– Это следы недавней драки Сапфира и герцога, – услышал Дэниел. – Но, конечно, твоей головой никто разбивать камень не будет. Ты получеловек, так что твоя судьба – стекло и дерево.

– Вы не семья. Вы – секта помешанных на силе.

– Этому есть причины – раз. И мы всё-таки настоящая семья – два. Ты скоро почувствуешь это.

Дворец изнутри, по пути следования, выглядел нарядно, но не так, как ожидал Дэниел. Здесь должно бы висеть куда больше картин, должно бы стоять больше мебели, но со всем этим оказалось крайне, крайне напряжённо, и в обилии имелись разве что гигантские портьеры, занавешивающие стены даже в самую большую их высоту и неведомых типов растения в кадках.

Внезапно они вышли в небольшой внутренний дворик. Солнце бросало клетчатую тень на левую часть пруда в центре, мозаичный пол и тяжеловесную каменную колоннаду, поддерживающую более лёгкую, воздушную конструкцию второго этажа, прикрывающего значительную часть патио от дождя и с помощью скатов должно быть направляющего дождевые потоки в середину небольшого водоёма.

– Это центр дворца, – пояснил отец. – Под землёй нет дополнительных комнат и убежищ, а вокруг нет никаких значимых помещений, никаких спален или мест, где может храниться хоть что-то важное. Чужаки обычно не знают куда бить, и целят в сердце. Захватив корабли нашего космолота, враги так же будут наводить орудия примерно сюда. И здесь, в сердце Нью-Лайта потому... плавает рыбка.

Дэниел молчал некоторое время, прежде чем с горечью высказался:

– Нужна была куча денег, наверное, только для того, чтобы построить это фактически бесполезное место.

– Не так уж... Здесь много необработанного камня и дерева, – излишне легко отозвался Эшберн. – Крыши, опоры и ловушки при них, однако, точно не муляж. Сапфир очень хочет, чтобы мы выжили. Кто мы такие, чтобы не уважать его желание?

– И никто снаружи не знает, что почти всё это место – сплошь лабиринт из пустых обманок и ловушек?

– Мы надеемся на это.

– Ясно... Но, где же вы на самом деле обитаете? Надеюсь, не в крохотных подземных комнатках за три тысячи шагов отсюда?

– Могли бы, но нет. Справа, ближе к комнатам Сапфира, находится часть дворца, построенная наспех, из дерева. Называется Нью-Хэйвин. В плане выглядит как целый дворец во дворце, но сейчас там абсолютно ничего нет. Он будет перестраиваться и усложняться через три-четыре десятилетия. Дальше от Нью-Хэйвина и Сапфириных комнат, находятся апартаменты почти святого Брайана. Вот там и начинается вполне себе жилая часть дворца. Представить её можно в виде дуги, вытянутой с юго-юго-запада и проходящей через восточную часть дворца. На северо-востоке работы тоже пока ещё не окончены. Нью-Лайт строился почти пятьдесят лет, и будет доводиться до совершенства ещё два века... по меньшей мере.

Шорохи, женские голоса и смех донеслись до ушей Дэниела. Три ослепительно прекрасных ангела оказались прямо перед ним. Светловолосые крылатые леди в тончайших одеждах и изысканных украшениях. Райские создания. Они обратили к нему свои лица, и отец представил его. Две оказались родственницами, тётушками отца, третья – самое безыскусное и невинное существо среди них и во всём мире, кажется, – просто гостья. Шерил Чедвик. Серые дымчатые глаза и слегка выющиеся песочно-блондинистые волосы. Дэниел не мог потом вспомнить о чём говорил с ней, но его подхватила волна эйфории и всё дальнейшее пошло словно в сладком тумане: знакомство с кланом, решение остаться и первые недели в Нью-Лайте.

А потом Шерил Чедвик отвергла его, немного стесняясь и нервничая.

И тогда Дэниел вдруг очнулся и осознал, что находится на великосветском вечере с женщиной, разбившей сердце ещё его неукротимому деду и заставившей бедолагу покинуть планету. Что на нём самом теперь камнем висит титул виконта Лэнфорда и гигантская ответственность за сохранение чести семьи Сильверстоунов, но вокруг очень многие смотрят на него,

перешёптываясь и делая это оскорбительно. Он всё-таки бастард и все здесь знают этот паршивый факт.

А ещё... за всё прошедшее время ни единого раза не вспомнил о том, что на самом-то деле он всего лишь актёр, который приехал в столицу играть.

7.6.34. – Седьмой день шестого лунного периода тридцать четвёртого года эпохи Тerrorsа Сапфира.

Чайна Циан быстро скидывала химзащиту, торопясь менять её на юбку-брюки и блузку. Шерил и Мелисса сегодня должны ждать её в Хорнитэле. Дорогое место, а потому поход туда – событие. Жаль только, что принятый в лаборатории перерыв на еду довольно короткий. Даже у судьи, Шерил, перерыв дольше, хотя дел у неё, обычно, больше некуда.

К сожалению, на выходе из служебных помещений, серена наткнулась на принца Адмора. Как так? Самый красивый перевёртыш империи, огненный Ретт Адмор – здесь. Да, лаборатория принадлежит ему, но он почти никогда не посещает её днём. Одет невероятно элегантно, покрашен в меру, длинные, чёрные с алыми прядями, волосы уложены просто умопомрачительно модно.

Чайна Циан печально вздохнула. Когда-то она могла стать его женой. Пятьдесят восемь лет тому назад, она была его невестой и уже обосновалась в покоях иниаты. До сих пор хранится в памяти то, как нежно и ласково произносится слово "жена" на его языке. Эрони. В покоях эрони Ретта Адмора. Но он даже не успел прикоснуться к ней. Он ещё не вернулся в предел, когда свет для них обоих погасил... Даймонд Лайт. Но это было тогда. Теперь совсем другие времена.

– Чайна Циан? – обернулся к ней Адмор, и она сразу поняла, что он ждал её.

Поймут это чуть позже и другие лаборанты, проходящие мимо.

– Да, ваше высочество?

– Вы куда-то торопитесь?

– Как вы догадались? – старательно изобразила удивление Чайна Циан.

А Тони всегда считал, что эмоциональность женщинам очень к лицу.

– Хм... по мелочам. Если это что-то важное, не буду вас задерживать.

Чайна Циан поколебалась. Перерыв на еду с подругами не так уж важен сам по себе, но еда в Хорнитэле!.. Но это всего лишь еда.

– Может быть, что-то важное... у вас? – как можно более вежливо осведомилась она.

Тони всегда жаловался на то, что ей отчаянно не хватает такта и внимательности к окружающим.

– Ничего такого, просто я хотел обсудить с вами нечто за едой, если вы не против.

Чайна Циан быстро приняла решение:

– К сожалению, у меня уже назначена встреча. Пришлите мне записку, с назначенным временем – я буду ждать.

– Хорошо, – сказал принц и поклонился. Ей!..

Это значит, что для него времена не изменились, и она ещё может стать эрони Ретта Адмора.

Пришлось опустить глаза, чтобы не заболели до слёз.

До Хорнитэля она добралась, задыхаясь. С подругами ела молча, не торопясь делиться произошедшим. Мелисса может рассказать Рэйну Росслею. Тот в обязательном порядке поделится с принцем Санктуарием, а из Три-Алле новости неведомой паутиной разбегаются по всему Ньюну и даже дальше. И уж точно новости достигнут Тони. И что он скажет? Ничего. Но его "яжеговорил-во-всё-лицо", как он это сам называет, будет видно издалека. А она-то ещё просила его обуздать фантазию... С воображением у него и вправду всё уж слишком хорошо, но чтобы он так хорошо понял намерения Адмора задолго до этого дня...

– Я отказала Лэнфорду, – прозвучал голос Шерил.

– Дэниелу?! – поразилась Мелисса. – Он признался тебе? Так скоро?

– Ну, по нему и так всё давно было понятно, – плавно наклонив голову и отведя взгляд, сказала Шерил. – Его обаяние сквозит во все стороны, но этот взгляд ни с чем не спутаешь.

– Жалость какая, – поморщилась Мелисса и перестала есть. – Бедняжка.

– Это я бедняжка, – возразила Шерил. – Почему опять я? И, поверьте, Лэнфорд влюбился даже сильнее, чем Кардиф, и очаровательнее его, и, в отличие от его деда, действительно достоин благосклонности.

– Правда? – вскинула брови Мелисса. – Дэниел показался тебе более привлекательным, чем Роджер?

– Абсолютно. Дэниел Лэнфорд... у него душа есть, деликатность, честность и чистота. Кардиф... оказывал давление... не щадя. Соблазнам Кардифа сопротивляться было очень тяжело, но я хотя бы была уверена, что это правильно и нужно. С Лэнфордом... всё не так. И, главное, он смог уверить меня, что трагедии не случилось, и мы сможем придерживаться дружеской ноты в дальнейшем.

– А что не так? Уверена, что так и будет.

– Учитывая наследственность... сомневаюсь.

– Я почему-то уверена, что нет.

– Ты часть этого клана, и предпочитаешь в упор не видеть их недостатков.

– Проверим.

Чайна Циан насторожилась. Что-то знакомое ощущалось неподалёку. Тони? Нет. Кто-то из братьев по отцу? Сам Адмор? Странное, очень странное чувство. Может, это Рассел Ги Лиффордский?

Какой-то звук уже проник в кабинет, занимаемый подругами. Они бы услышали, если бы не шумели.

– Тише!

Дамы застыли и подняли на Чайну Циан глаза. Шерил медленно и тихо протянула руку к бокалу и отпила немного эйерна.

– Голоса, – пояснила Чайна Циан. – Знакомые голоса. Кто-то бурно выясняет отношения. Над нами.

– По массе понять можешь?

– Я чувствую мужчину-перевёртыша. Он высокий и довольно мощный. Не повезло тому, кого он прессует.

Тут все три леди услышали грохот – упало что-то тяжёлое. Треск, звон.

А затем отчётливое мужское проклятие на всеобщем в адрес женщины.

Чайна Циан не смогла удержаться на месте и вскочила на ноги.

– Леди в беде, – поняла Мелисса.

Шерил нахмурилась и повернулась к Мелиссе:

– Полагаю, мы можем аккуратно проверить, всё ли у неё в порядке.

– Это не наше дело, – твёрдо сказала Чайна Циан. Она узнала этот голос.

– Если мы сможем предотвратить преступление, мы это сделаем, – поднялась Шерил.

– Я не хочу встречаться с тем, кто там, этажом выше.

– Ты знаешь его?

– Знаю.

– Дашь потом показания в суде? – неожиданно жёстко спросила Шерил.

Чайна Циан, поколебавшись, кивнула.

– А не лучше ли остановить всё сейчас? До совершения преступления? – Шерил и Мелисса уже обошли Чайну Циан и, торопясь, устремились к неизвестной леди на помощь.

Две крылатые не должны встречаться с чудовищем. Мелисса, быть может, и выживет, но Шерил может пострадать. Чайна Циан вылезла на подоконник, прыгнула, извернулась в воздухе и взбежала вверх по стене. Обычно перевёртыши не пользуются своими способностями – вне пределов не принято. Но случай чрезвычайный. Окно закрыто занавесями. Но не заперто. И Чайна Циан забралась внутрь. На неё взглянули две пары глаз. Дикие красновато-жёлтые глаза совсем юной красавицы Кантабриллин Накханской – родственницы Тони и Мелиссы, и чёрно-синие провалы из под бровей принца Ли.

– Ей всего пятнадцать, – прошептала Чайна Циан. – Она – ребёнок! Ты с ума сошёл?!

– Шестнадцать, – поправил взявший себя в руки Ли. – Уже есть.

Но принц позволил Чайне Циан взять за руку школьницу, стащить её со стола, отвести к окну и поправить на себе одежду.

– Она же ребёнок! – процедила Чайна Циан, обняв Кантабриллин и обернувшись к Лифорду.

– Всё относительно, – был ответ.

Чайна Циан внимательно посмотрела на своего отца. Он отказался от своей любимой дочери, отрёкся от неё, Чайны Циан, не медля ни мгновения, едва только услышал, что её ослепили. То, что произошло с ней слишком важно, чтобы это игнорировать, это правда, но она для него словно волшебным образом исчезла тогда. Всё для него расценивается с точки зрения того, как это может ему послужить. А теперь Ли Карнен склоняет к сексу маленькую девочку.

– Тебя слышали. Сейчас здесь появятся Шерил Чедвик и Мелисса Сильверстоун. Если ты не придумаешь что-нибудь правдоподобное, Кантабриллин будет вынуждена рассказывать правду всем подряд.

Ли на краткий миг прищурился. Дверь и стол разом вспыхнули. Загорелись столик у стены, балка под потолком, портьера второго окна, пол в углу.

– Так – пойдёт? – с искренней заинтересованностью и с еле слышно дрожащим в голосе негодованием спросил Ли у Чайны Циан и перевёл взгляд на Кантабриллин.

Огонь заполнял комнату, а Лифорд не двигался, позволяя языкам пламени и жару подступать к себе всё ближе.

– Он безумен, – прошептала Кантабриллин, отступая к окну.

Наконец в душу начал проникать страх. Здесь есть чего бояться. Настоящего Лифорда – Ли Карнена – почти никто не знает, но его детям известно, до какой степени он многолик. И едва ли не каждый его образ – опасен. Чайна Циан схватила родственницу бывшего мужа и сбежала по стене вниз, до самой земли.

– Мне нужно увериться, что Мелисса и Шерил выживут. Отправляйся прямо домой. Я проверю, добралась ли ты, когда со всем справлюсь. Ли может преследовать тебя сейчас. Но, может, и нет. Если же он схватит тебя – сопротивляйся. Я найду его и тебя даже на лунах. Не бойся.

Кантабриллин сглотнула и побежала прочь. Сразу вспомнилось зимнее восстание перевёртышей. Кантабриллин с Сапфиртой Санктуарийской и Хисуи Соно оказались в оставленной крылатыми столице. Но тогда драконы преследовали Сапфирту по заказу принца Классика. Кантабриллин забрал её отец – принц Хант. Дракон Ксенион очевидно спас Хисуи Соно. А теперь...

Чайна Циан хотела было влететь обратно, но кабинет уже превратился в раскалённую печь, и Ли внутри не было. Этажом ниже тоже никого. Мелиссы и Шерил – нигде нет. Все бегут, спасаются. Это правильно, так как два верхних этажа Хорнитэля, построенные из дерева, уже занялись огнём, и обрушатся на головы тех, кто остался ниже, всего через пару долей свечи. Но Чайна Циан должна была удостовериться, что никто не погибнет.

Второй этаж – точно никого, а третий уже полностью объят огнём. По главной лестнице холла с величественной невозмутимостью спускаются два империи принца-перевёртыша – Ли и Ричка Рашингава. Спокойно беседуют, будто за их спинами не ревет пламя.

Чайна Циан метнулась обыскивать первый этаж. Мелиссы и Шерил нет. Но... вот они, на улице. Чайна Циан присоединилась к ним, разбив окно.

– У меня там ридикюль остался, – сказала Шерил. – Но потолок наверняка уже обрушился. И... мы не увидели леди, которая была в беде. Кабинет уже горел, там никого не было.

– Я вытащила её через окно и отправила домой, – созналась Чайна Циан. – У неё влиятельный отец, он защитит её.

– Но кто она? И кто же поджёт ресторан? – спросила Мелисса. – Тот тип?

– Смотрите, – Шерил показала на парадный подъезд. Из него размеренным, широким шагом выходил принц Рашингава, как всегда производящий впечатление главного злодея империи. – Наверное, ты почувствовала его, Чет.

Крыша с грохотом обрушилась. Его высочество Рашингава, не моргнув глазом, сел в паланкин и был унесён носильщиками-телохранителями в сторону севера. Обрушился третий этаж, а Ли так и не вышел. Но древнейшие не погибают в пожаре. И сомнительно, чтобы Ли уговорил Рашингаву подставиться. Скорее всего, в последний момент метнулся назад и вылетел через одно из полуподвальных окон так, чтобы его, исчезнувшего задними дворами, никто не узнал и не увидел. Дело осталось только за Кантабриллин. Успел Лиффорд зацепить её на крючок шантажа или нет? Будут ли допрашивать Рашингаву у императора? Вероятнее всего истина раскроется, так что можно не вмешивать себя в это на словах. У крылатых есть то, что их никогда не подводит – умение видеть ложь по глазам.

– Я должна возвращаться в лабораторию, – сказала Чайна Циан. – И вам советую улетать отсюда. Жар довольно сильный.

Кантабриллин Чайна Циан нагнала в Лэнгде и проводила её до самого дворца принца Ханта – родного дома девочки-полукровки.

– Ты уже пришла в себя? – спросила девочку Чайна Циан.

– Многих мужчин тянет к юным девушкам, – вздохнула Кантабриллин и с полным доверием посмотрела на родственницу снизу вверх. – Я знаю это. Я знаю так же, что с точки зрения фитов и людей я уже могу стать чьей-то женой. Принц Росслей когда-то женился на девушке, которой было семнадцать. В восемнадцать она уже родила герцогов Сидмора и Дануина.

– Да, и все осуждали этот союз.

– Только потому, что герцоги должны были родиться мёртвыми или глупыми. Но я просто никому никого не смогу родить. Так что плохого в том, что у меня будет связь с принцем Ли?

– Я не поняла... – медленно произнесла Чайна Циан. – Я зря помешала вашему бурному свиданию?

К удивлению Чайны Циан, Кантабриллин тихонько хихикнула.

– Нет, – всё же сказала девочка, глядя перед собой. И от неё повеяло чем-то непонятно-зловещим. – Я узнала много нового. Вмешивайся и впредь, пожалуйста, Чайна Циан.

– Разъясни, пожалуйста, твою позицию.

– Прости, но я не могу – это не только моя тайна. А малый возраст только поможет мне добиться того, чего хочу. И, прошу, не беспокойся – вступать в связь с Ли у меня нет никакого желания. Я не потому спросила, что склоняюсь к этому, а потому, что хочу знать истину. Скажи мне, пожалуйста.

Чайна Циан, однако, поняла кое-что неожиданное:

– Спасать нужно было принца, а не тебя?

– Сегодня – нет. Но если всё будет идти по намеченному плану – действительно придётся спасать его. Так ты ответишь мне?

– Отвечу. Женщина-перевёртыш словно клинок, который до двухсотлетия непрерывно подвергается заточке на лучшее и беспрекословное служение отцу. Мужчина, с которым ты вступишь в связь до достижения тридцати лет, определит отклонение в характере так называемой заточки. Он фактически будет воспитывать тебя для себя... и для секса. Практика показывает, что всю оставшуюся жизнь, сознательно или нет, тебе придётся вести войну с этим мужчиной и своими инстинктами. И, наверняка, страдать от этого.

– Я не очень поняла, как это... попросишь меня поверить тебе? – в тоне юной красавицы не распознал бы насмешки только совсем незнакомый с манерой Тони и Даймонда вести беседу.

К счастью для Кантабриллин, Чайна Циан давно научилась не реагировать на подобное, пусть и не одобряла. Она ответила как можно откровеннее:

– Я тоже не слишком хорошо понимаю, как это. Но когда, в своё время, четверть предела Ли млела по твоему отцу... и я в их числе... мне приходилось слышать подобные разговоры.

– Вам что, нравился мой отец?

– Сильный, мужественный, при этом очень ловкий и добродушный. Кому он мог не нравиться? Он был самой яркой звездой подле Лифорда, кроме, пожалуй, Рассела Ги. Но тот, скорее, поглощающая аномалия, чем звезда. К тому же мой брат.

– А мама говорит, что папа не слишком красив.

– Я уже слышала подобное от Берилл. Но... возвращаясь к теме, должна признать, что всё, сказанное мной, относится к чистокровным перевёртышам. Крылатые тоже не вступают в брак до тридцатилетия, но по другим причинам, мне неизвестным. А ты и есть помесь этих двух видов. Что будет конкретно с тобой, я утверждать не ручаюсь. Однако... ничего хорошего.

– Спасибо за подробный ответ, – вежливо проговорила Кантабриллин и обратила к Чайне Циан свои яркие оранжевые глаза, от которых серене снова стало немного не по себе.

– Ты собираешься рассказывать о том, что случилось? – ровно спросила Чайна Циан.

– Нет.

– Но Ли схитрил, и в пожаре обвинят принца Рашингаву.

– На допросе, уверена, Рашингаве достанет ума защититься, просто сказав правду.

– Если Рашингава скажет правду, то раскроется всё. Он видел принца Ли и наверняка многое понял.

Кантабриллин остановилась, задумавшись.

– Но, может быть, и нет, – честно продолжила Чайна Циан, – если Рашингава заметил меня и сделал иные выводы... Так или иначе, тебе никто никогда не причинит вреда, – тут же принялась уверять девочку Чайна Циан, – ты дочь принца Ханта, лучшего мечника среди перевёртышей, а так же ты – часть клана Сильверстоунов. Кто бы ни хотел навредить Лифорду, тебя при этом он не тронет. Хотя...

– Что?

– Нет, ничего. Тебя не тронет даже Рашингава. Детям он не мстит, насколько я знаю.

– Но мой план...

– В следующий раз просчитаешь всё тщательнее. Лифорд полон сюрпризов – не забудь учесть и это.

– Вы хорошо знаете его.

– Знала.

– У него были уязвимые места?

– Я о таких не слышала. У него есть грехи, недостатки, бывают промахи и ошибки. Но он никогда не платит за них. Запомни: когда у него плохи дела – плачут другие. И если ты стремишься причинить ему неприятности, страдать будут самые незащищённые и невинные вокруг него. Так что веди свою игру осторожно, если у тебя есть хоть какая-то совесть.

Кантабриллин долго смотрела на Чайну Циан. Очень долго. Потом медленно опустила глаза и больше не сказала ни слова.

Тот же день, три свечи спустя.

Тони направлялся в Ганведен в сопровождении Дэниела.

– Я... выиграл этот театр в карты, – признался он сыну. – Это была первая собственность такого рода.

– И часто ты играешь с высокими ставками? – неприятно поразился сын.

– В пять раз чаще, чем изменяю. То есть, получается, почти никогда. Я выиграл шикарное имение на севере, проиграл его в другой раз, выиграл шалаш в лесу далеко на северо-западе и проиграл затем лучшего своего коня. Чет узнала и сказала... не важно. В карты я теперь играю только на печенье, а в наследство ты получишь всё, что должен.

Дэниел нарочито смахнул не существующий пот со лба. А Тони, закинув ноги на противоположное сидение экипажа и, сложив руки на животе, решил объяснить:

– На самом деле, тогда Ганведен был не этим охраняемым заведением с полным составом персонала и всей положенной атрибутикой, а всего лишь двумя нищими актёрами с одним-единственным чемоданом париков, платьев и белил, осколком зеркала и бумажкой, обязывающей хозяина подкармливать своих талантов, когда их труд будет неприбыльным. Это были Бренган и Кровли.

– Я... имена знакомые.

– Кровли лучше всего играет резонёров, а Бренган – шефов, мэров, благородных мужей и отцов. Но, чёрт возьми, они могут сыграть кого и что угодно!

Дэниел слегка ослабил узел галстука:

– И сколько они на сцене?

– Справедливый вопрос. Но они – люди, а значит больше, чем полтора века им быть никак не может. Со мной они почти столько же, сколько ты на этом свете, так что... спрощу-ка я у них при случае, возраст.

– У актёров не принято спрашивать такое.

– Знаю. Хочу их позлить.

Дэниел немного помолчал.

– Я ещё не привык к твоим выходкам, честно, – заговорил он. – Поумерь себя, прошу.

– Я подумаю.

– Подумай... а тебе-то сколько лет?

– Двести.

– А если серьёзно?

– Двести двадцать... восемь. Возможно. Я родился в войну, в убежище. Мать погибла рано. Так что день моего рождения не известен. Да и не важен.

– Чистокровный крылатый, потомок двух монарших династий, не знает дату своего рождения?

– Ага. Ну, я честно не в шелках родился. Для этого нужно быть потомком трёх королевских семей.

– А такие... есть?

– Да. Джулиан. Джулиан Дарк.

Рассказывать о том, кто такой Джулиан Дарк не пришлось бы даже семилетнему мальчишке. Все и так знали, что старший сын лучшего мечника крылатых Роджера Кардифа – Джулиан Дарк – гений, командующий поднебесными войсками. Даже никогда не помышлявший о славе на военном поприще Дэниел был наслышан и не переспрашивал. Его интересовало другое:

– Как это так? Почему?

– У нас же с ним не одна и та же мать. Его мать – была принцессой от рода Дарков. Наша с Джереми – самая обычная провинциальная особа. И эпохи различались. Джулиан уже открыл дверь новому тысячелетию... – Тони увидел в окне подплывающее здание театра. – Ганведен... времена меняются, а Брен и Кровли должны остаться – они и есть Ганведен. Запомни это.

– Печёшься о таких вещах?

– Я всем обеспечен и не принуждён зарабатывать на театрах. Могу рассуждать об искусстве, преемственности и традициях сколько влезет. И не только рассуждать. Идём?

– Идём.

Двое Сильверстоунов поднялись по мокрым от дождя ступеням, позвонили и вошли в фойе театра.

– А не будет выглядеть так, будто ты приехал выбрать девушку на ночь? – спросил Дэниел, морщась от гари и дыма, проникших даже сюда. Хорнитэль сторел, пожар потушен, а запах остался.

– Это чаще всего так и выглядит, – ответил Тони, доставая надушенный платок и закрывая им нос. – Злой рок висит здесь над исполнительницами простушек – они часто меняются. С тех пор, как ушла последняя стоящая актриса, прошло семь лет – а смена лиц всё не прекращается. Хуже того – недавно в театре сменились господа на ролях героя-любownika, сомневающегося, подхалима и истерика. Последний мне вообще не нравится. Я бы его продвинул на роли мужланов, но здешний главный руководитель, Вольфи-Рарис, считает иначе. Актёров с неврастеническим типом игры вполне хватает, но Вольфи-Рарису подавай именно этого Патро. Не буду же я увольнять главного из-за этого. Он хорош, и, пожалуй, единственный, кто видит Бренгана насквозь, когда он слабоват, не доигрывает.

– А что пишут критики?

– Ни-че-го. Патро не замечают. Его криков немного пугаются дамы в партере, да детки на благотворительных выступлениях.

– Благотвори...

– Да, и такое случается. А в Педделстоксе о благотворительности не слышали?

– Там... церковь.

– А её где-то нет? Да, знаю, в шахтах перевёртышей. Ну что, мы не опоздали?

Крылатый и полукровка вошли в зрительный зал и спустились ближе к сцене. Дам нигде не было видно. Тони познакомил Дэниела с Вольфи-Рарисом, Бренганом, Кровли, и руководителем труппы "Морис" – Джаскони.

– Значит, правду говорят, что виконт и есть твой сын, – медленно, с хмурым видом, сказал Бренган, переводя взгляд с одного Си на другого. – Вы похожи. И даже не удивляет, что... Лэнфорд тоже интересуется театром.

– Вы не представляете насколько, – мягко улыбнулся Дэниел, но Бренган поднял густые брови:

– Хотелось бы услышать.

– На сцене в провинции с детских лет. Я действительно очень интересуюсь.

Молчание.

– Потрясающе, – будто подвёл черту Тони. – Обожаю развязки. Вот здесь драматург поставил бы последнюю точку. Ну что вы, Бренган, так напряглись? Не будет же парень пробоваться на роль простушки.

– Ты покупал театры не для развлечения жены, Эшберн. Ты покупал их для сына.

– Нет, это совпадение. Я надеялся, и буду продолжать надеяться, что его увлечение исчезнет. Сильверстоун на сцене – слишком хорошая мишень для ребят из адморского или классического предела.

Бренган смерил Тони взглядом и, кивнув, отступил на полшага.

– Начинаем? – осведомился-предупредил Вольфи-Рарис и сделал знак пареньку, полускрытому в кулисах.

– Дамочки, – сладко протянул Тони.

– Убью, – мгновенно вскипел Бренган.

– Он просто подтрунивает над вами, уважаемый, – тут же снял напряжение Дэниел.

– Я тебя больше с собой брать не буду, – сухо сказал Тони сыну. – Ты портишь всё веселье.

– А ты всё время нарываешься на скандалы. Почему? Или это только с тех пор, как я с тобой?

– Тише, леди начинают самопоказ, – перешёл на шёпот Тони.

Дэниел сел и обратился в слух. Тони почти ощущал моменты, в которые руководители и актёры делают в уме, а кое-кто и на бумаге, отметки о слабых и сильных сторонах актрис. Сам же практически только наслаждался старательностью женщин, выдерживая внешнюю серьёзность. Он выбрал самую милую из них, самую красивую на свой вкус, ту, что взял бы роль простушки, на роль любовницы... и серену. Одна из двух леди, с наверняка чёрной кровью, носила длинные волосы и отличалась ясным взглядом.

Изнутри сильнейшим образом дёргало при виде женщин-перевёртышей, серен и герард, похожих на Чайну Циан. Но эту даму он не вытерпел бы с собой рядом в Осеннем доме. Она излишне экспрессивна. Чайна Циан не мешала ему оставаться наедине с Создателем, как он называл это своё чувство. А рядом с этой женщиной кроме раздражения почувствовать ничего не выйдет. Жаль. Хотя пару сцен в постели он сыграл бы и с этой...

– Эшберн, что думаешь? – вытащили его из эротических фантазий.

– Я?! С каких это пор моё мнение здесь кому-то интересно?

– Ты внимательно смотрел на них, – заговорил Бренган. – И молчал, что самое необычное.

– Решайте без меня. Я не объективен.

– Тебе кто-то понравился? – сообразил Кровли.

– Да.

– И кто же?

– А как думаешь?

– Мирминелль, определённо. Она чудо как хороша.

– Эта с наивными глазками? А она умеет играть что-нибудь другое? Вызови её, и пусть прочтает какой-нибудь другой монолог. Скажем, Барбы из "Коварных нелюбимых".

– То есть, не она тебе понравилась, – сделал вывод Кровли.

– Чушь, – подал голос Бренган. – Мы выбираем лучшую актрису для определённых ролей, а не универсальное дарование.

– И по этому должны отказать универсальным?

– Но я не видел здесь и таких, – вмешался Вольфи-Рарис.

– У неё слабый голос, – пожал плечами Тони. – Держу пари, она и не слышала про архитектуру фраз и работу с дыханием.

– У всех примерно то же самое, – опять вмешался Бренган. – В большей или меньшей степени.

– Ну, я ж говорю, я не объективен. Не слушайте меня.

Тишина.

– Это так ты ведёшь дела? – изумился Дэниел.

– Не повезло этому театру с хозяином, – философским тоном отозвался Тони.

– Ладно, – миротворчески вмешался Кровли. – Просто скажи, какая понравилась, и я смогу тебя разубедить. И ты не будешь так недоволен нашим выбором.

Тони ощутил комок в горле.

"Хоть бы раз взглянуть... на Чайну Циан!.. Но это же неуместная глупость сейчас".

Он наклонился вперёд, положил Кровли руку на плечо и заглянул ему прямо в лицо:

– Я настаиваю на том, чтобы вы выбирали сами.

– Хорошо, только не надо краснеть глазами, господин крылатый.

Тони слегка удивился. Кто это разозлился? Он, Тони Эшберн?

– Тогда я выбираю Мирминелль, – обернулся к руководителям Кровли, как только Тони убрал руку и отодвинулся.

Бренган и оба руководителя по разу глянули на Тони, помолчали, чтобы дать ему время сказать своё "нет, а я бы вон ту взял" и начали излагать мысли в защиту других актрис. Со сцены только что неслись в кучу сливающиеся мысли и фразы, но ни одной из женщин это в вину не вменялись. Послушать бы им всем, как очаровывал одним голосом Роджер Кардиф. Сердцеед, сердцеед! Лучшему мечнику приписывали хитрость, мистический магнетизм и власть над женскими душами, но Тони всего этого не помнил. Он лишь знал, что никогда не забудет того, как отец разговаривал с окружающими обоего пола: то музыкально, то нарочито монотонно или глухо, то погружал в особую атмосферу голосом глубоким и хриплым, привлекал внимание, пользуясь понижениями и повышениями тона, насмехался лаская, привлекая, шепча. Он говорил то изумительно чётко, то отчаянно тягуче. И всегда всё к месту, красиво, ярко, со вкусом. Он мог превращать свою речь в самую малоинтересную и тривиальную. Но только тогда, когда действительно хотел этого. Вот уж кому на сцене самое место!

Обсуждение тянулось и тянулось. Тони, было, влез со своей мыслью о том, что дамочкам не мешало бы прежде подучиться работать голосом, но ему только пообещали отдельно позаниматься с выбранной на роль. И на этом всё. Отмахнулись. Поток мыслей опять вернул Тони к Чайне Циан. И на дно его было не утащить, но и выплыть Тони не мог. Хотел увидеть жену.

Раньше он хотя бы мог надеяться вызвать её ревность. Верить, что где-то в глубине её горячего тела и холодного сердца есть хоть какая-то тревожность. Она просто обязана была там быть, эта тревожность. А сейчас даже стремиться к этой игре незачем. Ответ и так ясен – ей плевать. Причём, как должно быть плевать, так и есть на самом деле. И даже увидиться не удастся. И вернуть всё назад не выйдет. И, чёрт возьми, при следующей встрече она вполне может оказаться эрцеллет-принцессой Адморской.

– Что с тобой случилось? – шёпотом спросил Дэниел. – Никогда не видел тебя таким мрачным и злым.

– Пройдёт.

– Зовём Мирминелль, – обернувшись к Тони и Дэниелу, предупредил Кровли. – Свой шанс сказать "нет" ты упустил.

– Зовите.

Джаскони подошёл к сцене и обратился к вышедшей девушке:

– Вы прекрасны, Мирминелль. Но хозяин театра сомневается. Не могли бы вы показать нам характер, противоположный тому, что вы представили? Если вам требуется время, чтобы посмотреть текст, мы готовы вам его дать.

Мирминелль очевидно заволновалась. Выходя на сцену, она была уверена, что контракт с Ганведеном у неё в кармане, а теперь вожаделенную бумажку вырывает у неё из рук некто неизвестный.

– Я никогда не учила чужих текстов, – прозвучал не низкий, чистый, но определённо грудной женский голос. – В моём прежнем театре это считалось плохим признаком.

Джаскони обернулся к Вольфи-Рарису.

Тони поднялся со своего места и пошёл к сцене. Вспрыгнул на подмости и приблизился к Мирминелль.

– Я помогу вам настроиться. Представьте, что я – безжалостный убийца, – Тони убрал чёлку от лица, собрался и принялся ощупывать взглядом фигуру актрисы. – Но вы – тоже. Вы делали это не раз. Я – ещё чаще. Вы могли бы остановить меня, но вам это было невыгодно.

А теперь я перешёл вам дорогу. Я опасен для вас, но ещё не знаю о том, что мешаю вам... Что вы должны при этом чувствовать, как думаете? Смотрите на меня. Мы подождём, когда вы поймёте это и сможете отобразить. Только умоляю – не говорите ни слова. Вам не сказали, но хозяина смущает ваша неспособность красиво подавать звук.

Что бы ни было сейчас в голове у Мирминелль, взять себя в руки сразу она не смогла.

Тони походил по сцене, рядом с Мирминелль, и она не отводила от него взгляда. Ему это понравилось. Но он ждал.

И в какой-то момент он увидел это. Она смогла изобразить эгоцентризм, безжалостность, презрение и спокойную готовность нанести любой удар. Даже осанка изменилась.

– Очень хорошо, – похвалил Джаскони и посмотрел сначала на Тони, затем на всех остальных.

– Да, этого вполне хватит, – подтвердил Бренган. – Тони, слезь со сцены, прошу тебя. Хватит очаровывать новую актрису.

Тони подмигнул Мирминелль и спрыгнул в зал.

Вольфи-Рарис взглянул на карманную электросвечу.

– Скоро собирается труппа Морис. Мирминелль, задержитесь и будете представлены своим ближайшим коллегам. Надо отпустить остальных леди.

– Уходим, пожалуй, – решил Тони. – Приеду завтра и подпишу всё, что надо.

– Т... ты серьёзно? – обернулся ему вслед Бренган. – Ты никогда не появляешься там, где обещал!

– Ну, пришлешь ко мне посыльного.

– И в каком кабаке тебя искать?

В ответ Тони хлопнул дверью.

– Ты паршивый хозяин, – сделал вывод сын, догнав Тони у лестницы в фойе.

– Вовсе нет.

– Да.

– И ведёшь себя... ни светских манер, ни ответственности. Ты чудовищно легкомыслен. Я всегда считал тебя идеальным образцом мужчины, разумного, титулованного. Но мне и в голову не приходило, что ты именно такой титулованный, как...

– Как? – Тони обернулся к Дэниелу, застывшему на верхней ступеньке.

– В обличительных пьесах титулованных изображают бездумными коллекционерами, эгоистами, бесхребетными слабаками, праздными бездельниками, распутниками, пьяницами, шовинистами, бесчувственными рубаками или даже кровожадными тиранами. Но за неделю в высшем свете подобные персонажи попались на глаза всего раз или два, тогда как ты... ты не принадлежишь ни одной из описанных категорий, и всё же выглядишь всё так, будто именно ты не заслуживаешь своих привилегий.

– Этаким способом ты пытаешься отругать меня, как мальчика, не осознающего, как надо держаться?

– Да. И я из кожи вон лезу, чтобы не уронить честь клана, тогда как тебе, очевидно, плевать на то, что о тебе думают, и как ты выглядишь. Но это одно. Безответственность в делах – совершенно другое. И за это я осуждаю тебя тоже, отец.

Тони немного помолчал и сказал:

– Я процитирую твои слова всем в клане. Они будут рады, что их новый родственник такой насквозь правильный. Надеюсь, однако, твоя правильность не встрянет между нами.

Дэниел почти герцогски нахмурился и хотел было сказать что-то ещё, но по лестнице начала подниматься парочка симпатичных дарований, отдавших книксены Тони и мило зачихавших.

– Мы закончим этот разговор, – пообещал Дэниел отцу, поравнявшись с ним.

– Когда-нибудь, – согласно кивнул Тони, и едва сын отвернулся, комически простонал: – За что-о-о, Еди-иный?!

– Ты хоть что-нибудь не обращаешь в шутку? – шагая к выходу, поинтересовался Дэниел.

– Кое-что. Нет, правда! За что такому весёлому парню как я, такой суровый сын?

– Ты всё-таки считаешь своё поведение правильным?

– Нет. Но на этой планете все слишком серьёзно к себе относятся, и так важничают, что становятся смешны. Я с моим поведением прямо-таки ниспослан свыше. Но, честно, я просто не могу быть другим. Не могу быть как все вокруг. Это же... каким бревном надо быть... что бы так упиваться своим существованием, как они. Уж лучше смущать, парадировать, рисковать казаться им, в свою очередь, странным и смешным. Замечал, что красавцы и прочие разумные опасаются быть смешными, если играют социальные роли хоть в чём-то выдающихся или значительных особ?

– Д-да...

– Присмотрись. Среди всех титулованных не больше двух десятков персон, не стесняющихся своей личности. Это братья Асинари, герцог Ветренный, Риа Эхгард и пара-тройка мальчишек Рашингавы из тех, что совсем ещё молоды и искренне увлечены науками. В меньшей степени и наш Сапфир, и Эсса Бесцейн, и принц Санктуарий. Крис Рэйли, Колин Хант и Сет Лиффорд тоже подходят. Они забавные. А всех остальных так и хочется встряхнуть.

Дэниел не нашёл, что ответить на это. Он был очень задумчив всё время обратного путешествия в экипаже.

– Кажется, ты понял меня, – отметил Тони, встретившись взглядом с сыном.

– Кажется, да.

На следующее утро Дэниел признался:

– Я начал смотреть на всё с твоей точки зрения. Ты как-то... прав. Со своей стороны.

– Добро пожаловать на первый форпост сопротивления скуке. Стилль – свободный. Китч, гротеск и абсурд приветствуются. Если понравится – оставайся. – Тони показал на свой висок: – Вот здесь сейчас рвутся фейерверки по случаю нашего взаимопонимания.

Тони закрыл глаза и откинул голову, наслаждаясь чувствами, благодаря воображению получившими краски и звуки в его голове.

– И как они? – спросил Дэниел.

– Оглушительны.

– Хочу быть тобой, – вырвалось у сына.

9.6.34. – Девятый день шестого лунного периода тридцать четвёртого года эпохи Террора Сапфира.

– Как некстати сгорел Хорнитэль, – с лёгким вздохом сказал принц Адмор, помогая Чайне Циан устроиться за столом в одном из самых дорогих кабинетов Сеттимпера. – Но благодаря этому факту сегодня мы здесь.

Чайна Циан удержала при себе свой комментарий. Он был бы слишком едким для ситуации и отдавал бы эшбернизмом. А духа бывшего мужа не должно быть рядом с будущим супругом – умным, опытным и проницательным древнейшим. Если, конечно, всё пойдет, как положено.

– Я была там всего пару раз, но не могу сказать, что этот пожар для меня трагедия, – степенно проговорила Чайна Циан. – Чревоугодие не просто не входит в перечень моих пороков, его бы даже немного не помешало для нормы.

– Вы, случайно, не собираетесь пожалеть моё время?..

– Собираюсь, – быстро сказала Чайна Циан. – Предлагаю сразу перейти к делу. Но если понадобятся ещё свидания, то хочу, что бы вы знали – мне нравятся долгие прогулки... по аллеям и паркам.

– Дань красоте внешнего мира, – глубоким голосом проговорил высокопоставленный кавалер Чайны Циан.

Он не сводил с неё глаз. Она занервничала. Такой долгий взгляд принца империи... такое чувство, что ей придётся оплачивать за него, за этот взгляд. Древнейшие принцы-перевёртыши так коварны, что и это возможно. Одно хорошо – в постели с ним можно будет отбросить, наконец, страхи и условности.

Ретт Адмор наклонил голову. Его зрачки расширились, и Чайна Циан поняла, что он прочёл её мысли. Полностью. Как это возможно?

Итак, они оба всё понимают. Осталось прояснить чёртовы детали. Кем он попросит её стать? У принцев-перевёртышей есть много любовниц кроме жены. За каждой из них закреплён статус, и он вполне официален.

Но устроит ли это её?

Принесли еду. Серв разлил эйерн по бокалам и ушёл.

– Насколько вам нравится в лаборатории? – услышала серена, рассматривая содержимое своей тарелки. Всё, вроде бы, как надо.

– Очень нравится, – ответила Чайна Циан. – Я готова бороться за сохранение своего места.

– Бороться? Так значит, переезд в Белые Колонны из Нью-Лайта и есть результат вашей борьбы с мужем за возможность работать?

– Да.

– Не ожидал этого от Эшберна. Он казался мне как раз тем крылатым, кто более других открыт новому и нестандартному.

– Он произвёл на вас верное впечатление. И в любую другую лабораторию он отпустил бы меня с лёгкостью.

– Банальная ревность?

– Возможно, Сапфир дал ему предсказание, касающееся меня. Я пойму, так ли это, как только вы расскажете мне о цели нашей встречи.

– Но вы не знаете и не догадываетесь?

– Могу лишь предполагать, – покривила душой Чайна Циан.

Она была практически полностью уверена, что её судьба ей не принадлежит. Даже мучай Тони ревность, он бы не решился на развод просто так. Нет, у Адмора в планах нечто крайне серьёзное и он намерен добиваться своего.

Никто так и не притронулся к еде.

– Всё это довольно странно, – произнёс Адмор. Откинувшись в кресле и нахмурившись. – Сапфир просто так ничего не делает, а Эшберн не из тех, кто сходит с ума от ревности. Но всё говорит о том, что я и вы вполне можем... погулять по парку ещё сотню раз.

– Мы мыслим одинаково.

– Вы не потеряли прежней остроты ума, – одарил её очередной улыбкой Ретт Адмор.

Чайна Циан проглотила новый комментарий-эшбернизм. До Тони Ретт Адмор ни в коей мере не мог показаться ей слегка самовлюблённым. А сейчас... показался. Но Тони мог извратить всё, что угодно. А Ретт Адмор казался ей безумно привлекательным тогда, перед окончанием войны Севера и Юга. Тогда у Чайны Циан дыхание заходило от одного его вида и осознания того, что именно ОН станет её мужем.

– Если Эшберн даст развод... я бы хотел предложить вам контракт.

Чайна Циан даже на миг не замерла, поднося кусочек острейшего багема ко рту. Адмор смотрел на её губы с нетерпением и даже жадностью. Пока только смотрел. Потому ещё не поздно поторговаться.

– Какой контракт, как вы думаете, устроит меня? – поинтересовалась Чайна Циан, смыв эйерном горечь, соль и остроту еды.

В глазах Адмора что-то промелькнуло и она поняла, что разговора о том, чтобы занять покои эрони нет. Она нужна ему только как любовница. Причём, любовница второго порядка. Сейчас, пока Ли не пытается позвать её в свой предел, она достанется Адмору почти бесплатно. Однако, зачем она вообще нужна, если не фертильна? Она ведь так и не родила ребёнка от Эшберна. Даже не беременела ни разу. Вывод: он просто хочет её.

Они оба мечтали об этом пятьдесят восемь с половиной лет назад. Соитие, полное страсти. Весь его накопленный за долгую жизнь опыт и всё её годами удерживаемое томление. Они оба ждали. Выходит, этому всё-таки суждено случиться. Она будет его любовницей. Почему нет? Теперь нет никаких причин отказываться.

И опять он прочёл её мысли. Наполнил бокалы эйерном.

– Я бы хотел показать вам вид из окна моей башни.

– Я бы хотела взглянуть.

– Едем?

– Прежде, ещё немного эйерна.

– Волнуетесь? Правильно. Вид действительно захватывает дух.

Чайна Циан ощутила серьёзное возбуждение. И страх. Куда более сильный. Она делала вид, что смакует напиток, но на самом деле пыталась справиться с ощущением, близким к панике. Но с Тони всё кончено. Что теперь? Она что, боится, как он посмотрит на неё, когда всё узнает? Боится того, что он выскажет ей? Но он не бросит её – уже бросил. Даже не бросил – выкинул. Самое худшее уже случилось. От чего тогда всё так плохо? Потому что Тони будет больно? Бред! Серена не может вечно жить с оглядкой на мнение какого-то крылатого. У них, призывающих крылья, считается нормой брачный союз длительностью в тысячи лет. Перевертыши меняют жён каждые пять лет. Серены рожают детей мужьям и любовникам за деньги, чтобы в конце срока уйти, ни разу не оглянувшись. И она, Чайна Циан, точно такая же серена. Она была создана подчиняться такому порядку, жить в таком ритме. Даймонд, ослепивший её, и Тони, заботившийся о ней слишком... хорошо, оттянули начало нормальной для серены жизни.

– Вы медлите, – понял Адмор.

– Вспомнила, что мой контракт с Эшберном ещё в силе. Если... в вашей башне... вид будет настолько великолепен, что я от восторга наброшусь на вас... это будет считаться изменой.

Ретт Адмор поднялся, обошёл стол и поднял Чайну Циан с места.

– Тогда разрешите мне сделать вам приятное другим способом, – сказал он и склонился к её губам. Но она подставила щёку для поцелуя.

– Прогулкой по парку? Конечно. Это вполне достойно нас обоих.

Он понял намёк. Чайна Циан увидела это по его глазам. Потрясающим глазам, едва подведённым коричневым. Адмор почти не красит лицо. И при этом так хорош! Как у неё достало духа... или страха... отвернуться?

– Вы слишком сроднились с крылатыми, – с неудовольствием сказал Адмор, отступив, но при этом взяв Чайну Циан за руку. – Вы хорошо поели?

– Вполне.

– Тогда – в парк.

Чайна Циан провела время с Реттом Адмором, приятно прогуливаясь с ним в густой тени деревьев парка в Денкасре. И ничто не было похоже на измену. Если только на начало приятного романа. Немного.

И, всё-таки, встреча и разговор с принцем почти ничего не прояснили. И в Белые Колонны, столичный дворец клана Макферстов, Чайна Циан вернулась, всё ещё не зная точно своей дальнейшей судьбы.

А в Белых Колоннах всегда было по-особенному светло и спокойно. В Нью-Лайте тоже существовала своя приятная атмосфера, но слишком часто там всё вибрировало от накала очередного противостояния членов семьи – шутки и подтрунивания в любой момент могли перейти в драку. Во дворце Макферстов всё казалось нежным, милым и лёгким, благодаря Шерил, вдове родоначальника клана, задающей здесь тон. Она и сама была такой – нежной, милой и лёгкой. Её обожали абсолютно все. О потасовках между членами семьи здесь, естественно, даже подумать не могли.

Нынешний принц Макферст, Линдон, любил Шерил немного больше, чем хотел бы сам. В конце концов, он не приходился ей кровным родственником. Но он не позволял себе больше, чем просто любоваться вдовой предка и баловать её дорогими подарками. Он дорожил прекрасными отношениями в клане. Ведь кроме Шерил и Линдона семья насчитывала ещё двоих членов – Томаса Пэмфроя и Брэнта Лоасса – сыновей Шерил и погибшего древнейшего Макферста.

Томас видел в Линдоне примерно то же, что и Чайна Циан. Брэнт ни о чём не догадывался. И что же? Ради Шерил Линдон с лёгкостью вытерпит Чайну Циан у себя дома хоть тысячу лет. Томас воспримет жизнь подле серены перевёртышей как шанс лучше узнать иной вид разумных. Брэнт будет видеть радушие Линдона и Томаса, и как исполняющий обязанности главы клана Макферстов, будет отстёгивать деньги на поддержание жизни Чайны Циан во дворце ещё долгое-долгое время. С таким успехом, в Белых Колоннах могла бы поселиться и Мелисса с Рэйном Росслеем в придачу – и их бы тоже легко терпели здесь ради Шерил.

Но так нельзя. Следует как можно быстрее определиться со своей жизнью. После контракта с Адмором будет точно понятно, способна ли она, Чайна Циан, к рождению детей или нет. Тогда можно будет идти соответствующей дорогой. Она или станет оплачиваемой сереной, или вступит в регулярную армию – когда-то она считалась стоящей мечницей.

Контракт с любовницей – не то же самое, что брачный контракт. Чайна Циан получит собственные покои в пределе Адмора, гардероб, герард и содержание, но только на время от трёх до шести периодов, и деньги за всё это получит совсем небольшие. В том же случае, если забеременеет, контракт будет продлён до пяти лет, и плата за ребёнка будет впечатляющей.

Надо только скорее заключить этот контракт. Он даже удобнее, чем пятилетний брачный, ведь есть практически полная уверенность в том, что ребёнка не будет, и можно готовить себя к службе в войсках. Тони... пусть. Этот контракт необходим. Адмор будет горяч в постели, да и ей не нужно будет сдерживаться так, как с Тони. И если ей, Чайне Циан, суждено стать настоящей сереной, она ею станет.

– Что новенького? – спросила Шерил, следующим утром за завтраком. Но пока Чайна Циан обдумывала свой ответ, заговорил Линдон:

– Похоже, что ответственность за пожар в Хорнитэле взял на себя Рашингава.

– Ты странно сказал это, – Шерил стрельнула глазами в принца.

Первая судья Ньюна по имущественным вопросам, Шерил лучше всех знала, как формулируются фразы о таких случаях на официальном языке.

– Его вызвали в Сердце Цитадели, и он отчитывался перед императором лично, без свидетелей, – пояснил Линдон.

– Писали о какой-то девушке, с которой он встречался в Хорнитэле в тот день, – сказал Брэнт. – Якобы она отказала ему, и он сжёг ресторан за то, что всё это случилось именно там. Вот это характер!

– Как-то... неожиданно... для Рашингавы, – проговорил Линдон и глянул на Чайну Циан. – Но, кажется, я плохо его знаю.

Чайна Циан не успела открыть рот, как ответил Томас:

– Его мало кто хорошо знает.

Брэнт поморщился:

– Но если взять, к примеру, принца Ли, то он производит впечатление очень мудрого перевёртыша. Того, кто ставит себя выше любой вражды. Однако его ненависть к Мэйну рушила целые империи в прошлом.

– Это просто легенды, – успокаивающим тоном произнёс Томас.

– Я слышал кое-какие обрывки разговоров древнейших, – возразил Линдон. – В этих легендах действительно есть правда, даже если она сильно приукрашена.

– Это ужасно! – воскликнула Шерил. – Если хоть часть этих рассказов верна... то это... просто...

– А правду говорят, что все древнейшие были знакомы между собой раньше? – вдруг спросил Брэнт.

– Многие – да, сталкивались друг с другом, – отвечал Линдон. – Но, к примеру, никто ничего не знает о Санктуарии. Абсолютно никто. Абсолютно ничего. Предания гласят, что он родился с этой планетой, был вождём в племени первых людей и уникальным образом обрёл святость. Но нет никого из живых, чтобы подтвердить это – век местных людей слишком короток, а склонность их рассказывать каждую историю на иной манер настораживает. Он вызывает полное доверие к себе, но он самое неопределяемое неизвестное во всём уравнении. Другая, чуть менее загадочная фигура, не оставляющая следов – Хайнек Вайсваррен. Но о нём хотя бы имеют крошечное количество информации Вир, Делла Генезис и Мэйн. Этих крошек хватает, чтобы понять, какова часть пути, проделанная Вайсварреном.

– Интересно, а Бриане кто-нибудь говорил об этом? – вырвалось у Чайны Циан. – Она бы не отказалась знать о своём муже такое.

– Знать, что о нём, единственном, никто ничего не знает? – медленно проговорил Томас. – Не думаю, что это на пользу. Не стоит рассказывать Бриане. Я бы даже попросил ни в коем случае этого не делать. Есть причины.

– К тому же не так уж важно, кем он был и какой путь проделал, если сейчас он вполне достойный член общества, – сказал Брэнт, имея в виду Санктуария.

– Нет, это куда как важно, – заспорил Томас. – Однако, к большому моему сожалению, всё, что мы услышим, если начнём допрос, это... его смех... в девяноста девяти случаев из ста.

– А в оставшемся одном случае?

– Может ещё и хрюкнуть от смеха, – с улыбкой ответил Линдон.

– Кем же он может оказаться? – откинулась на стуле Шерил.

– Кем угодно, – вздохнул Линдон. – При этом надо иметь в виду вот что: Санктуарий с лёгкостью сдружился с Рэйном, почти как норму воспринимая то, чему свидетелем иногда становился. После чего без жалости принял тридцатилетнее стояние друга в памятнике. А потом так же легко восстановил приятельские отношения с потенциальным безумцем, пожиравшим перевёртышей и драконов в день восстания. И, как я слышал, надирается с ним до опасного, и ничего по-прежнему не боится. Он либо идиот, либо скрывает в себе нечто ещё менее нормальное, чем скрывал Рэйн.

– Складывается впечатление, что что-то безумно страшное скрывают все древнейшие, – проговорила Чайна Циан.

– Каждый разумный что-нибудь да скрывает, – веско заметил Томас. – А на долю древнейших выпадало значительно больше сложных ситуаций. И справлялись они с ними не всегда просто хорошо или плохо, а иногда именно так, чтобы выжить и оказаться сейчас здесь, на этой планете. Каждый из них наверняка пытался смыть со своих рук кровь... другой кровью. Извините, этот разговор не для завтрака.

– Думаешь, твой отец был таким же? – тихо спросила Шерил.

– Уверен, что ты и сама знаешь ответ.

Шерил некоторое время смотрела в сторону, а потом обратила свой взгляд к Чайне Циан. Он как бы говорил "Томас во всём прав. А ты всё ещё думаешь об Адморе?"

Действительно, после услышанного не так-то просто было сохранить уверенность. Выбрать одного из древнейших или обычного разумного парня? Конечно нет! Не древнейшего! Но нет и выбора. Если от Адмора будет ребёнок, ей заинтересуются другие древнейшие принцы-перевёртыши, ведь она хорошо показала себя на войне. И если отец не найдёт способа вернуть её в свой предел, она сможет отказывать им, если захочет.

Скорее бы узнать!..

– Шерил, мне надо с тобой поговорить.

– Конечно.

– Что ты хотела? – спросила подруга, когда они обе сели в экипаж.

– Хочу начать оформлять разрыв контракта с Тони.

– Ты решилась?

– Решился Тони. Ещё в первый день лета. Я ждала, что мне передадут от него какие-нибудь бумаги на подпись через пару дней. Но он наверняка решил отнестись к этому делу так же халатно и безответственно, как и ко всему вообще в своей собственной жизни. Меня уже навещал герцог, приезжали Оливия и Моргана с Брайаном, но от Тони – ничего.

– Хм, хорошо. То есть...

– Хочу взять дело в свои руки. Это мой первый развод, – мягко сказала Чайна Циан. – Понятия не имею, что делать.

– Я устрою тебе встречу с канонистом.

– Спасибо.

18.6.34. – Восемнадцатый день шестого лунного периода тридцать четвёртого года эпохи Террора Сапфира.

После начала ненормальной жары завязать беседу с незнакомцами и найти понимающего слушателя стало значительно легче. Одно-единственное слово "жара", сразу сделало всех разумных очень сочувствующими и сердечными.

Сорорибэ, исполняющий главную роль в пьесе "Тихое, безбрежное", и собранный, ответственный Вин, его соперник по сюжету, уже стояли на своих местах и слабо помахивали шпагами, когда руководитель зачитал номер эпизода. Но ничего не происходило.

И тогда актёры, все прошедшие десять дней друг друга почти не замечавшие, впервые при Мирминелль, дружески разговорились на личные темы. Бутафорское оружие вернулось в коробку.

Рэмми, миниатюрное существо, играющее здесь нищеватого, но ловкого мальчика на побегушках, просто села в одно из кресел в зале, закрыла глаза и накинута на откинутую назад голову мокрый платок.

"Подхалим" Шало-Крисельд, как поняла Мирминелль, тоже нанятый недавно, стоял и нервничал, потел и ещё больше нервничал от того, что потел.

Моник, похоже играющая роли исключительно серветок и камеристок, примостилась на стуле возле края сцены и откровенно витала в облаках.

Шикарная Гасэ, работающая в ампула соблазнительниц, роковых и титулованных красавиц труппы "Морис", тем не менее, выглядела отлично и почти бодро. Она обмахивалась бутафорским веером и не жаловалась.

Грэнни, высокая женщина без возраста, словно созданная, однако, только для того, чтобы воплощать отчётливый инфантильный типаж, переносила повышение температуры воздуха куда тяжелее. Не то, чтобы она доставала всех своим нытьём, но Мирминелль начало казаться, что вздохи и жалобы – это неотъемлемая часть Грэнни.

Джаскони вращал на столе тетрадь с текстом пьесы. И тоже вздыхал.

– Ждём ещё немного, и строим первый диалог в пятой сцене, – решил Бренган, тоже задействованный в постановке.

Роль у него небольшая, и Мирминелль недоумевала, что он здесь делает. Актёры такой величины даже не всегда появляются на репетициях. Бренган – появился. Быть может, ожидается кто-то из начальства? Главный руководитель или даже сам хозяин, тот самый граф Эшберн? Но в Ганведене всё довольно строго заведено. Здесь не опаздывают. Никто и никогда.

– Ну что там строить? – с ленцой проговорила Гасэ. – Я потираю руки с заметно возбуждённым видом и спрашиваю у Моник: "Жив ли кто остался? Драка... кровавая ли была?" А Моник, запинаясь, отвечает. В тексте ценности особой нет, да и половину она сможет отыграть одними жестами.

Моник, очнувшись от грёз, выразительной мимикой, показала, что да, мол, она может это и всё – правда.

Мирминелль в который раз недоумевала про себя: руководители-постановщики здесь, в этом театре, до невозможного верят в гениальность актёров и почти не правят работу над образами. И почему никто не ругает за неточность текста? Что же это такое!

– А и верно, – вопиюще халатно согласился какой-то утомлённый Джаскони, прокрутил тетрадь по столу ещё пять раз. – Вот же незадача. Придётся идти ещё дальше. Но без выстроенной сцены дуэли запала может не хватить. В такую жару сложно представить, что кто-то может активно двигаться... А без этого всплеска силы и дури всё будет не то.

– О чём вы? Уверена, он приедет, – возразила Грэнни.

– Кто приедет? – спросила Мирминелль. – Все, кажется, на месте.

– Ой, – неожиданно расплылась в улыбке Грэнни. – Он вам понравится. Он возмутительный, но очаровательный. Ему и опоздание можно простить. Даже Бренган ему всё прощает.

– Тот парень, который подыграл вам на сцене в день экзамена, – пояснил Джаскони, странно заблестев чёрными глазами.

– Он? – приятно удивилась Мирминелль. – Я помню. Бренган назвал его "Тони". С ним очень весело и легко играть. Сильный актёр, с энергетикой.

Это она сказала вслух. А про себя добавила, что никогда и ни у кого ещё не видела таких широких плеч и таких узких бёдер при этом. В одной старой-престарой поэме воспевалось такое сочетание, как канон мужской красоты. Сейчас, чтобы считаться красивым, мужчине следовало иметь гармоничное лицо с усреднёнными чертами и при этом совершенно не важно, каково его тело.

– Я чего-то не знаю? – спросила Грэнни у Джаскони.

Гасэ аж встала с кресла:

– Мирминелль выбрана им как протеже?

– Тише леди, тише, – всплеснул руками Джаскони.

– Мирминелль ему в тот раз не понравилась, – решил рассказать Бренган. – Ему одному. Но он сам признал, что не объективен и решил помочь ей справиться с дополнительным заданием.

– И вышел на сцену?

– Да. И сыграл... великолепно, – с кислым видом признал Бренган.

– Богато, с оттенками, – с удовольствием добавил Джаскони. – Ни слова не произнеся.

– Ну и что? – повернулся к руководителю Бренган. – Он изображал опасного убийцу в повседневной рутине. Ему достаточно было припомнить кого-нибудь из своего постоянного окружения.

– Он преступник? – изумилась Мирминелль.

– Нет, он... – Бренган осёкся. – Я не вполне верно выразился. Он ветеран войны и один из известных хлыщей высшего света, а в тех кругах запросто можно встретить принцев вроде Вайсваррена или Классика. Вот уж кто действительно безжалостные убийцы.

– А вот и я!.. – донеслось из тьмы. – Слишком опоздал? Простите! Вчерашний праздник несколько затянулся.

– Ты пьян? – возмущённо спросил Бренган у глубокой тьмы зала.

– Не уверен. Я выпался и даже успел принять ванну, – рядом с Бренганом появился "Он", которого все так ждали.

Тот самый Тони. Элегантный яркий тип неизвестного видового происхождения. Скорее всего, полукровка – они все именно такие высокие и привлекательные, слегка подавляющие своей силой и мужественностью, но не теряющие изящества и утончённости.

– Ну, замечательно, – язвительно и зло процедил Бренган, отвечая на радостный, искрящийся мягким весельем взгляд Тони.

Слишком длинная чёлка упала ему на щёку, закрыв от Мирминелль выражение его лица.

– Я извинился, – зазвучал его голос, прокативший тёплую волну по телу девушки. – И вам без меня никак. Хозяин слишком жаден, чтобы нанимать какого-то другого постановщика батальных сцен вместо меня.

– Прекрати путать. Ты и есть хозяин.

– А я не против платить самому себе, – Мирминелль услышала очаровательную смесь бравады, бахвальства и сдерживаемого смеха в словах хозяина. – Это настолько абсурдно, что помогает мне радоваться жизни.

– Лучше б ты ей не радовался вообще, – пробурчал Бренган вслед хозяину, однако смерив его потеплевшим взглядом.

Так же, как и в день встречи, ровно десять дней тому назад, этот Тони легко вспрыгнул на сцену. Подмигнул Грэнни, помахал Рэмми, поклонился Моник, поцеловал пальчики Гасэ и, наконец, улыбнулся Мирминелль. Она заволновалась. А он между тем подошёл, приобнял её, покружил и оставил в стороне, что бы оказаться возле коробки с бутафорскими шпагами.

– Это никуда не годится, – заглянув в коробку, сказал Тони. – Мальчики, оружие не соответствует эпохе. Пора запомнить. Шпаги вернулись в моду только двести-триста лет назад. А во времена последних Нортвизоров отдавали дань лёгким двуручникам. Бренган, ты же всё это знаешь!

Бренган даже не пошевелился. Джаскони покраснел:

– А ты сможешь поставить дуэль лёгкими двуручниками?

– Это даже легче, чем подобрать подходящие мечи. Вот что и есть интересная задача.

– Ты что же, требуешь высокой точности в деталях?

– А кто бы её не хотел? Только вот, ты меня не совсем понял. Я хочу высокохудожественной точности. Арглас, неси ящик с мечами. Не перепутай. Попробуем добиться лучшего эффекта. Прошу всех уйти со сцены. Сорорибэ, Вин, подойдите. Лёгкие двуручники на самом деле совсем не лёгкие. Что бы вы понимали, как это нужно будет играть, я призову свой меч. По ощутимому весу он почти настолько же тяжёлый.

Мирминелль не успела обернуться к тому моменту, как Тони призвал оружие. Но смогла рассмотреть его. Настоящий меч чистокровного крылатого. Длинное, длиннее шпаг, четырёхгранное широкое лезвие извито узорами, объято клубами дымчато-серого тумана и будто поглощает свет. Ровное, оно совсем не играет бликами.

– Это не двуручник, – сообразил Сорорибэ, осторожно приняв меч. – Слишком короткий эфес... для такой тяжести.

– Абсолютно верно.

– Это же, должно быть, страшно неудобно.

– Я тоже не удобный и не всем нравлюсь. Что поделать. Поднимите меч, любезный. Попытайтесь занести для удара сверху. Вин, отойдите.

Сорорибэ страшно напрягся, чтобы поднять меч Тони.

– Постарайтесь рубануть воздух сверху вниз так, чтобы не убить доски сцены, хорошо?

Клинок всё-таки немного повредил дерево. Тони взял меч и передал его Вину, говоря успокаивающим, бодрым тоном:

– Ничего, мой кузен позавчера тоже меч так уронил. И скол остался такой же незначительный. Правда, напольная плита там гранитная. Попробуем вот это движение, Вин, – Тони встал чуть позади актёра, и, крепко взяв его за руку ниже локтя, перенаправил рубящее движение в сторону. – Неплохое ощущение, правда?

Тони отозвал свой меч. Вин затряс рукой.

– Он слишком тяжёлый. Вы серьёзно летаете с этим?

– Это не так тяжело. Главное, в воздух суметь подняться. Это самое сложное. А вот и мечи... Да-да... Что... И ни один, ожидаемо, не подходит. Всё не то. Ладно, сегодня берите те, что есть, и привыкайте к мысли, что каждый весом с мой клинок. Вин, ты нападаешь первый. На счёт один – рубишь слегка с разворота, слева снизу. Это немного подленький удар, но он подходит твоему персонажу. Правая рука держит меч, как бы пряча его под левой рукой.левой рукой растопыриваешь пальцы – это отвлекающий манёвр. Двуручник-то одной правой сложно удержать... но ты – сразу рубишь. В реальности такая штука вызывает обильнейшее кровотечение, даже если меч не особенно далеко занесёт. И – конец драке. Сорорибэ, ты смотришь на его ладонь, и ты должен вздрогнуть, когда у Вина из под левой руки выйдет меч и дернуться назад сначала головой и плечами, а потом уже отпрыгнуть назад. Справишься? Давайте. Только медленно.

Хозяин-постановщик отошёл вглубь сцены. Он внимательно следил за тем, как актёры выполняют его рекомендации. Грэнни была права. Он действительно нравился Мирминелль. Очень. Как никто. И чем дольше она смотрела на него – тем больше нравился. Жаль, что она ему сначала не приглянулась. Но, быть может, он изменил мнение? В конце концов, он прикоснулся к ней... с явным удовольствием. В противном случае просто приказал бы посторониться.

– Он женат! – прошептала на ухо Мирминелль Гасэ. – И жене не изменяет, что бы и кто бы ни говорил!

– Сначала, но ещё медленнее, – слышался со сцены голос Тони. – Вин, подожди. Вернись в начало. Никто не начинает с этой стойки, но ты должен быстро изменить позицию и удар нанести мгновенно. И мне не нравится положение твоих рук. В теле не хватает напряжения. Сил для того, чтобы так рубануть, надо очень и очень не мало. Напрягись.

Мирминелль посмотрела на Гасэ. Та глядела сочувствующе:

– Я тоже через это прошла. Как ни пыталась соблазнить – не вышло. Но он хорош, я тебя понимаю. Лакомый кусочек. Смотри каков. Ревнуешь?

Тони скинул френч, и, приобняв сзади Вина, держал руки актёра. Гасэ читала мысли Мирминелль. Обе самым грешным образом позавидовали Вину.

– Руку вот так, – почти ласково говорил Тони. – Эту заведи подальше. Хм... Замрите! Вин, сейчас твоя рука вверх. Ты должен рубануть вниз и при этом постараться задеть Сорорибэ. Вот так. Ещё раз. Теперь без меня, и сделай глубокий шаг вперёд. Сорорибэ...

– Эшберн, – привлёк внимание хозяина-постановщика Джаскони. – Сдаётся мне, дуэль будет зрелищной, но очень уж быстрой. Нельзя ли придумать что-нибудь, что бы продлить эту сцену?

– Давай соберём сначала сами телодвижения, а уж потом решим, где господа будут задыхаться и скрежетать зубами. Хотя я уже всё решил.

– Задыхаться и скрежетать зубами? – с недоверием спросил Вин. – Обязательно?

– А как же. Так оно и бывает, когда парочка ребят серьёзно настроена на убийство по всем правилам.

– Но Роджер Шели-Шедвард, говорят, приканчивал бутылку эйерна, проводил по две дуэли за одно утро, а затем...

– Баронетом Шели-Шедвардом он был до войны. Сейчас "Пёрышко" – маркиз Кардиф. Однако и ныне, спустя много лет, нет никого, похожего на него, и никто из пытавшихся подра-

жать ему идиотов, не выжил. К тому же это двуручники. Тут естественно взмокнуть от напряжения.

Поскольку Тони сказал это самым серьёзным тоном, ему не свойственным, все некоторое время молчали.

– А у вас было много дуэлей? – спросил Сорорибэ. – Ведёте счёт?

– Ни одной не было.

– Как это?

– Повод не представился.

– Не может быть, – недоверчиво протянул Бренган. – Только не ты.

– Ничего, ясновидящий как раз вчера предсказал мне подобное веселье. Подробностей не говорил, но предупредил, что противник уважения достоин. Так что театр я завещал своему сыну, если что.

Снова молчание.

– Сыну? – вдруг спросила Гасэ. – У вас родился наследник?.. По этому случаю был праздник?..

– Тридцать три года тому назад он родился. Причём, дорогая Гасэ, моя жена узнала об этом только этим летом. Забавно, не так ли? Даже не знаю, станет она сначала вдовой или разведённой женщиной. В общем, там видно будет. И давайте всё-таки поставим пьесу, пока я ещё не захлебнулся в крови или эйерне. Потом мне уже будет не интересно. Сорорибэ, повторим всё с начала, а в самом конце замедли отвод меча, сделай крохотную паузу и заметно усиль хватку. До судорожного заметно. При этом заканчивай отвод меча. Будет вполне, вполне похоже...

Гасэ и Мирминелль медленно повернули друг к другу лица.

– Желаю удачи, – прошептала Гасэ с удивительной смесью холодности и жара в глазах.

Всего одно мгновение в её лице было что-то напоминающее боль и презрение, но затем актриса изобразила дружелюбие и симпатию так натурально, что неприятное впечатление почти полностью изгладилось.

Затем Мирминелль долго впитывала в себя всего Тони Эшберна, запоминая его движения, слова, голос. В первую встречу, он был другим: язвительным, резким и даже немного злым. Сегодня – нет. Испарилась энергичность, но и появилось эта приятная, чарующая мягкость и почти забота. Она не знала, что всю ночь будет пытаться разгадать, в чём причина необыкновенной привлекательности Тони Эшберна, и ломать голову над тем, как и чем можно завлечь титулованного, у которого уже есть всё, чего бы он ни пожелал.

22.6.34. – Двадцать второй день шестого лунного периода тридцать четвёртого года эпохи Террора Сапфира.

Поднявшись в занимаемую в Белых Колоннах комнату, Чайна Циан первым делом прошла в гардеробную и выбрала туфли для дома – зеленовато-голубые, лёгкие, нежные, с тонкой подошвой и невысоким устойчивым каблуком. Всё не помещалось на полках. Почти половина пола была занята разноцветьем всех фасонов обуви. Полюбовалась полусапожками, туфельками на лентах, другими, третьими, захотела поставить здесь вазочку с цветами, разложить жемчуг, а потом... устроить среди этого всего пикник. Удивилась своим желаниям и подумала о том, что сказал бы на это Тони. Что-то вроде ехидного: "И что, ты всё ещё будешь говорить, что просто нуждаешься в удобной обуви?! Интересно, как скоро я проснусь на подушках, крайне напоминающих сабо по форме и под одеялом с рисунком переплетающихся сандалий? А, да, ещё на стене будет картина... ботинки на меху на фоне заснеженных просторов. О, я что, только что подал идею?!"

Чайну Циан улыбнулась, представив лицо Тони, затем откинула голову к дверке шкафа и крепко зажмурилась.

Это всё так грустно, что почти невыносимо.

Внезапно тошнота подступила к самому горлу. Чет едва успела добежать до уборной, прежде чем её вырвало.

Отдышавшись и вытерев выступивший пот, она обрела способность мыслить. Тони несколько раз говорил ей, что нельзя всё всегда держать в себе – надо учиться вскрывать свои эмоции, выводить их на поверхность хоть каким-нибудь способом, иначе она либо поубивает всех, свихнувшись, как бабушка Рэйна, либо заболит чем-то изнутри. И Чайна Циан честно пыталась понять, что с ней не так, почему в ней будто ничего нет. Теперь, кажется, всё ясно.

Боль и обида там, внутри, ураганной силы.

Это похоже на те случаи с фитскими принцессами. Иногда в дом Си приходила Красная Кэс и всё ещё слепая Чайна Циан не чувствовала её вовсе. А фитка могла сидеть совсем рядом.

Так и с чувствами. Они есть, всегда были внутри. Но Чет не замечала их настолько успешно, что перестала разбираться в своих эмоциях. И уже привыкла не думать и даже не знать, что чувствует, не думать о том, чувствует ли вообще что-то. Не было времени обращать внимание. За двести лет служения отцу эта способность въелась в самую суть.

– Чет? Чет, ты здесь?

– Да, Шер! Подожди, я сейчас к тебе выйду.

Чайна Циан быстро привела себя в порядок и присоединилась к подруге, удобно устроившейся на софе у окна.

– Мелисса обещала приехать без Рэйна, – сообщила Шерил. – Хочет потащить нас в дом свиданий. Пойдём. Всё равно будем в масках.

– Не хочется.

– Брось.

Чайна Циан покачала головой и когда Шерил кивнула, соглашаясь с отказом, заметила:

– Странные у Лиссы идеи.

– Девочку мучает любопытство. Собирается обожать Рэйна всеми силами, а если так, то в доме свиданий ей не оказаться ещё веков сорок-пятьдесят. А хотя бы посмотреть на то, как другие развратничают – хочется.

– Что ж. Слышала, как Сильверстоуны обсуждали вечера в домах свиданий. Как они это называют "жаркие вечеринки". Если Мелисса слышала это тоже, то она рано или поздно заглянет туда всё равно.

– М-м-м... – с понимающим видом протянула Шерил.

Однако Чайна Циан не могла бы сейчас сказать, о чём подумала Шерил и что ей как будто бы понятно.

– Я ещё не проверяла метакарту, – вспомнила Чайна Циан и встала. – Ты не против?

– Нет. Конечно, проверь, вдруг кто-нибудь написал...

– Кроме леди из Си могут написать только Адмор и Тони, – проговорила Чайна Циан, пройдя ко столу и беря в руки личную карточку-передачик. – Но на счёт последних двух... неправдоподобно.

– Думаешь, Тони решит таким образом сообщить, что ты свободная женщина?

– Думаю, он решит поиздеваться и, наоборот, никогда не сообщит. Чтобы я держала руки при себе, когда вижу Адмора. Или что бы вызвать какие-нибудь ещё нестандартные чувства у меня.

– Тони ужасен.

– О да... – Чайна Циан опустила глаза на метакарту.

Высветилось письмо от Тони. От неожиданности даже икнула.

– Что такое? – рассмеялась наблюдавшая за подругой Шерил. – Что это с тобой такое было сейчас?

– Тони... прислал письмо.

"Будет здорово обсудить кое-какие детали завтра. Если согласна на личную встречу, то напиши мне, где и в какое время сделаем это".

Шерил уже стояла рядом и читала. Подруги переглянулись.

– Это что может означать? – спросила Шерил.

– Не знаю. Завтра будет понятно.

– согласишься встретиться?

– Да... не вижу причин отказываться. Наверное, это действительно важно.

– Ты справишься? – Шерил смотрела с участием.

– Уверена.

– Пусть встреча пройдёт у нас. Вечером.

– Согласна.

– Не хочешь всё-таки пойти в дом свиданий с Мелиссой?

– Нет. Тебе не кажется, что следует отговорить её?

– Хм... может быть. Напиши ей, что мы против её идеи.

– Хорошо.

– Спускайся в мою гостиную, когда закончишь с письмами, – сказала Шерил и исчезла за дверью.

Чайна Циан красиво вывела на листке бумаги пару недлинных фраз, сделала слепок на метакарту и отправила его Мелиссе. Затем уведомила Тони о времени. Он изنوется, мол, отчего так поздно. Либо приедет слегка нетрезвым.

Следующим вечером его проводили сразу в приёмную гостиную Белых Колонн.

И он стоял перед ней весь такой... чужой... непривычно элегантно одетый, с иначе уложенными волосами и ненастоящим, выцветшим, остановившимся взглядом.

Раньше на нём идеально сидел только галстук, а глаза всегда смотрели прямо и ярко, то с насмешкой, то с искренним недоумением, то выражая заданные им же эмоции, но чаще – с полной уверенностью отражая его обязательное желание обсмеять всё важное для окружающих. Несомненно, не будь Даймонда рядом все прошедшие десятилетия, Тони был бы мягче.

Но Тони снова изменился.

– Макферсты посмотрели на меня, как на нечто поганое, когда я пришёл.

– Ну, а я пришла к ним почти ночью, без ничего, и сказала, что тырываешь контракт. Как это выглядело, как ты думаешь?

– А, надо запомнить на будущее: никогда не выставлять за дверь жён без вещей, и около полуночи. Только без вещей – днём или с вещами – ночью. Хотя кого я обманываю? Я никогда не забываю всех этих дурацких правил, – Тони обвёл взглядом гостиную и вдруг опустился прямо рядом с Чайной Циан на диван. – Как живёшь? Всё отлично? Как продвигается с Адмором? Без интимных подробностей, вкратце... или с интимными. А то острых ощущений не хватает. И Джереми напишу. Ему будет интересно.

Хотя бы говорил похоже на себя – и то хорошо.

Чайна Циан почувствовала близость Тони и с трудом подавила желание положить голову на спинку дивана, ближе к его плечу, и притвориться податливой и ласковой. Взгляд Тони давил – в глубине его глаз копилась то ли страсть, то ли ярость. Цвет его радужек ещё не изменился, но ощущение, что сейчас что-то нагрянет, уже присутствовало. Она промолчала.

Тони опустил ресницы и медленно-медленно поднял их. Теперь её крылатый супруг, бывший или настоящий, выглядел спокойным, угасшим и безразличным, а взгляд был твёрд, и лишь лёгкая заинтересованность стояла в зеленовато-голубых глазах.

– Не моё дело, ясно, – сделал он вывод. И тут же удивил: – А я купил тебе дом.

– Что? Правда? – обрадовалась она. – Это мне очень поможет.

– Я сам буду содержать его до тех пор, пока ты не станешь полностью от меня свободна и ещё год после того. Разговоры с агентством я тоже взял на себя. Можешь поехать посмотреть

дом хоть сейчас. Мебель частично подвезли сегодня, и сервы расставят её завтра как смогут. А потом ты сама...

– Почему ты решил сделать это?

– Я... думал о тебе.

Он отвёл глаза, когда говорил это. Чайне Циан редко когда так сильно хотелось поцеловать его за что-то. Но она сдержалась.

– Спасибо, – спокойно сказала она.

Он достал из внутреннего кармана френча сложенные втрое бумаги, связку ключей, и передал ей:

– Шестнадцатый по улице Ров в Денкасре.

– О, я знаю эту улицу. Наверняка отличный дом. Спасибо ещё раз.

– Пожалуйста.

– Ты... как в этом году переносишь жару?

Тони слабо улыбнулся.

– Не могу сказать, что прямо-таки ужасно, – сказал он и поднялся, явно собираясь уходить.

– Предупреди меня, когда контракт перестанет действовать, – попросила Чайна Циан.

Он бросил на неё странный взгляд. Скорее посмотрел на её тело, чем на неё саму.

– Да, – кивнул и ушёл.

Фактически не хохмил. Странно. Не помят даже слегка. Очень странно. Не жаловался, не скандалил, не издевался и не притронулся к ней. Как необычно! Что это с ним?

Едва стихли его шаги, Чайна Циан пошла рассказывать новость Шерил. Вот это она точно должна знать.

– Поедем посмотрим? – с интересом предложила Шерил.

– Да. Мне тоже любопытно.

Шестнадцатый дом по улице Ров оказался даже слишком хорош.

– Может, ошибка? – неуверенно произнесла Чайна Циан. Фасад отличался от всех прочих домов витражной розой, вчетверо меньшей, чем та, что украшает стену над тронном в зале сбора кланов империи, но не менее красивой.

– Это легко выяснить. Если ключ подойдёт, то дом – твой.

– Сейчас.

И ключ подошёл.

Шерил выкрутила свет, и Чайна Циан, даже ещё особенно не оглядевшись, глубоко вздохнула:

– Чудесный дом.

– Странно, – вдруг сказала Шерил. – Раньше ты сказала бы, что он плох – не защищён там-то и там-то, а вот здесь ты бы натыкала шипов в рост, а вот здесь – решётку бы поставила. И что, вообще, это всё сгорит за пару минут, случись здесь пожар – надо перестроить.

– Да, всё верно. Но он такой просторный. Нет лишних кабинетов и закутков – мне это так нравится. Наверное, я когда-то говорила об этом Тони.

– Наверное, это совпадение, – решительно сказала Шерил. – И он просто купил самый красивый дом, находящийся в продаже. Впрочем, когда твой дядя – губернатор города, возможности несколько расширяются, полагаю. Даже без всякого превышения полномочий.

Чайна Циан улыбнулась.

– Тебе нравится ощущать его заботу, – после недолгого молчания сказала Шерил. – Но это его прощальный подарок, Чет. Не забудь об этом.

Подруги молча прошли вглубь дома.

– Я намерена посмотреть все комнаты и мебель, – сказала Чайна Циан. – Подумаешь со мной вместе, что куда лучше поставить?

– Д-да.

Сделав ещё два шага, Шерил неожиданно извинилась:

– Прости.

– За что?

– Ты... тебе так понравился дом, а я тут наговорила. Лишний раз напомнила... просто ты так...

– Легко переносу расставание с Тони?

– Да.

– Ты правильно сказала, Шер. Я действительно... слишком рада была слышать, что Тони думал обо мне. Это же любой женщине было бы приятно.

– Да, из тех, кого чужая забота о себе ни к чему не обязывает.

– Уверена, что меня не обязывает. А в крайнем случае, я как всегда прикинусь недоходчивой.

– А Тони знает, насколько ты лучшая актриса, чем все те, что на него работают? – со смешком спросила Шерил.

– Даже не догадывается, – улыбнулась Чайна Циан.

Мелисса пришла к Чайне Циан с поздравлениями и с большим букетом цветов. И сразу – с вазой. Дамы поставили цветы на стол и сели завтракать в первый раз в новом месте – новом доме Чет.

Пахло деревом и свежестью, ещё тёплыми булочками, крепким кофе Шерил и шоколадом Мелиссы и Чайны Циан.

– Приятное утро, – проговорила Мелисса, глядя в большое окно напротив. В него, сквозь кроны садовых деревьев, заглядывало солнце.

– Шерил явно работала полночи, – заметила Чайна Циан.

– Одно дело не давало мне покоя, – рассказала Шерил замедленно. – Оно даже не для моего рассмотрения – для практики. Ерунда, но почему-то всё равно не могла заснуть.

– Шер, – позвала подругу Мелисса.

– Да?

– Надо рассказать Чет.

– Что именно? – насторожилась Чайна Циан.

– Тони закатил вечеринку в Армроуде. Си праздновали ваш развод. Имели же наглость!.. – с возмущением закончила Шерил.

– Это просто одна из дурацких традиций нашей семьи, – вступилась за родственников Мелисса. – Им как-то надо оправдывать пьянство, если честно. Вот они и празднуют тореннским любую глупость. Лошадь пала – пьют за лошадь. Передрались и ничего друг другу не сломали – тоже пьют. Сломали – ещё лучше. Надираются все: от не вполне совершеннолетних и до Сапфира.

– Так... значит... я теперь свободна, – сделала вывод Чайна Циан. Тони, конечно, обещал сообщить ей о финальном мгновении брака, но так странно посмотрел...

– Мелисса? – повернулась Шерил к одной из Си.

– Полагаю, что да. Из всего, сказанного в тот и последующий день, я полагаю, что да. Чет? Чет, поздравляю тебя.

– Спасибо. Теперь... я должна рассказать вам кое-что, что вам не понравится.

– Что же?

– Я и Адмор. Заключаем контракт.

– Что? – глаза Мелиссы расширились. – Но это же замечательно, разве нет?

– Нет. Этот контракт не сделает меня его женой. Мы вступим в связь. Ненадолго.

– Разве у вас и такое бывает? По контракту? То есть, имею в виду... для перевёртышей это нормально?

– Да. Бывает. Вполне нормально. И если я забеременею, то буду годна для серьёзных контрактов. Но если нет – пойду служить в регулярную армию.

– П-почему? – начала заикаться Шерил. – Эт-то как? За... за-зач-чем?!

– Ни разу, за почти сорок лет, у меня не было ни одной, даже неудачной беременности. При этом уже давно вступила в идеальный возраст, а у Тони есть сын. Значит, дело было либо в несовместимости, либо проблема со мной. Я должна знать, точно ли я бесплодна или нет. Это слишком важно для любой женщины.

– Но... зачем так торопиться? – недоумевала всё ещё очень удивлённая Мелисса. – Я же не спешу выяснить...

– Я перевёртыш. Для нас это крайне важно. У нас бесплодные женщины подвергаются ссылке в храмы Хенера. Но я планирую попросить Джулиана защитить меня от такой судьбы.

– Моя голова такая тяжёлая, – Шерил уронила лицо на руки. – Чет, это значит, что ты собираешься оставить нас в любом случае. Я правильно поняла?

– Да. Нет, я совсем не хочу расставаться. Но это то, с чем мне обязательно нужно определиться.

– Ты женщина, Чет. В том, втором случае, тебе не обязательно служить в армии. Ты могла бы заключить контракт с нашим кланом. Имею в виду Макферстов. Охрана, скажем, или ещё что-нибудь...

– Я сильна и способна на большее. Это неправильно – не использовать свои способности и не развиваться, сидя на месте.

– А в другом случае... ты не чья-то дочь... тебе не обязательно жить как типичной серене...

– Это же ужасно! – добавила Мелисса.

– Я понимаю, что для вас обеих это дикость. Но я и не говорила, что буду обязательно жить, как серена, всё время. Это не слишком весёлая перспектива. Я хочу служить империи. Но если я вступлю в любовную связь с кем-то из сослуживцев или подвергнусь изнасилованию и забеременею – это будет очень неудобно. В армии детям не место.

– Ты так спокойно говоришь об этом... – заметила Шерил. – Кажется, меня тошнит.

– Я тоже больше не хочу есть, – негромко проговорила Мелисса.

– Извините. Я подумала, что наступило время признаний.

– Ты не виновата, – поспешила сказать Шерил. – Ты правильно сделала, что всё рассказала. А ты уверена, что всё будет хорошо?

– С Адмором? За ту часть моей жизни, что связана с ним, я беспокоюсь меньше всего.

– А за какую больше?

– Поговорим об этом позже. Не хочу портить вам утро совсем.

Мелисса сменила тему, рассказав о том, что Сильверстоуны официально помирились с кланом Мэйнов, а затем принялась расписывать свои планы на день. Предстоял праздник первого урожая, объявленный свободным от ежедневных трудов. В этот день все хозяева вспоминали рецепты традиционных блюд из первых фруктов и овощей этого года, а заготовленные с прошлого года настойки и латкоры наконец-то разливались по бокалам и подносились домочадцам. С полудня на улицах можно было встретить музыкантов и актёров, развлекающих толпу почти бесплатно. Апогеем праздника считалось разбрызгивание императором сладкого сока кили на толпу, но народ больше любил следующее за тем закидывание друг друга лепестками цветов, крашеным пухом и яркими лоскутками. К тем, к кому что-то прилипало (наверняка благодаря попавшему на одежду или волосы сладкому соку) считалось, обязана была прийти удача.

Чайна Циан договорилась встретиться позже с Мелиссой и Шерил у ворот Цитадели, чтобы хотя бы издали посмотреть на веселье.

Однако стук в дверь в середине дня нарушил её планы.

Это был незнакомец, но позади него стоял Сорорибэ – один из актёров Тони.

– Хорошо, что вы здесь, – мгновенно узнал её Сорорибэ. – Граф приказал привезти его именно сюда. Простите, если...

– А что случилось?..

– Он ранен и почти истёк кровью.

– Где он? – Чайна Циан посмотрела на экипаж возле её калитки. – Там? Вносите скорее.

Сорорибэ и его товарищ бросились к экипажу и вытащили оттуда Тони. Он, однако, пришёл в себя и даже сказал что-то. Видимо, что-то о том, что может идти сам. На левом рукаве – потёки застывшего металла, но с рукава, похоже, ещё сочилась полупрозрачная, голубоватая кровь крылатого – плечо поддерживающего Тони актёра заблестело. Раненый сделал достаточное количество шагов до кровати. Чайна Циан убедилась, что Тони уложен на постель и села рядом, чтобы найти место ранения.

Абсолютно вся рубашка оказалась посеребрена. Френч изнутри тоже весь застыл, но только слева.

– Вы знаете, что делать? – спросил Сорорибэ. – Никто из нас понятия не имеет, как ему помочь. Если бы он был обычным крылатым, мы бы его раздели и перевязали, и дело с концом. А у него кровь на рубашке уже застыла, когда он в первый раз упал в театре. Мы не смогли её разрезать.

– А что случилось?

– Мы не знаем. Наверное, была дуэль. Он говорил, что Сапфир предсказывал ему её.

– Хорошо. Оставайтесь ненадолго. Сейчас мы всё сделаем.

Тони, и так слишком белокожий для нормального крылатого, теперь казался вылепленным из сероватого, подтаивающего снега.

Чайна Циан аккуратно взрастила из запястья острое и тонкое лезвие.

– Другой крылатый действительно истёк бы кровью, – сказала она, как можно аккуратнее, но с силой начав "вскрывать" металлизировавшиеся френч и рубашку Тони. – У них кровь обращается золотом с большим содержанием воздуха и песка. Кровь истекает через саму себя. Но Сильверстоуны из другой Вселенной. У них кровь обращается чистым серебром. Это значит, что окровавленная и застывшая рубашка сама по себе остановила кровотечение. Но нужно убрать её, пытался Тони исцелиться или нет. В одном случае она могла срастись с закрывшейся раной и нарушить работу кровотока или мышц. А в другом... да.

Чайна Циан замолчала. Это был ровный, но очень глубокий разрез мышцы под рукой. Там, где Тони не увидел его. Рубашка Тони попала прямо в рану. Часть ткани и серебра оказалась под кожей.

– Мне придётся вырезать её. Ищите любого чистокровного крылатого. На улице кто-то должен быть. Если я задену кровотока, и целителя не будет... он точно умрёт.

Сорорибэ и его товарищ уже загрохотали по лестнице вниз.

– Тони! – позвала Чайна Циан бывшего мужа. – Тони, очнись!

Он пробормотал что-то непонятное.

– Тони, это важно!

– Что именно, дорогая? – наконец открыл глаза он и заговорил привычно быстро. – А где это я? А, вспомнил. Понятно, – вздохнул и обратился к ней, как ни в чём ни бывало: – Что делаешь?

– Переживаю, что ты убьёшь меня.

– С чего бы это мне тебя убивать?

– У тебя рубашка вросла в рану. Придётся резать тебя.

– Правда? Я бы хотел на это посмотреть.

– Ты будешь смотреть на меня, когда я буду делать это.

– И у тебя хватит духа меня искромсать? Всегда знал, что ты кровожадна и мечтаешь по ночам о расчленении. Но чего это мне тебя убивать? Я не такой, как ты, да-да-аа...

– На тот, вероятный, на мой взгляд, случай, если у тебя опять случится обморок, а ты потом придёшь в себя от боли и решишь, что я тебя убить хочу. И снесёшь мне голову. И меня не станет.

– Э, милая-милая, во-первых... – он сделала паузу для глубокого вдоха и продолжил: – У Сильверстоунов не случается обмороков. Мы теряем сознание. И только от боли, разрывающей на части. От боли, которой не представить никому.

– Хм... – иронически посмотрела на бывшего мужа Чайна Циан. – Помню, как ты этой весной полз с очередной тренировки по коридору. Боль, говоришь, разрывала на части?

– Тебе не понять, женщина, каково это, быть Сильверстоуном, – он ещё и ухмылялся.

– Да, конечно. А что там, во-вторых?

– Во-вторых? Ну... Я уже забыл.

– Как быстро. Обычно ты не забываешь, если хочешь что-то сказать. Ведь все твои мысли так великолепны и важны, что мир слишком многое потеряет, не будь они озвучены!

– Как-то да, именно так, – растерянно захлопал глазами Тони, пропустив мимо ушей её иронию. – Ты единственная женщина, настолько хорошо понимающая мою важность. Как я мог так просто отпустить тебя?

– Тебе рассказать, как?

– Нет, – поморщился Тони и отвернулся.

– Как ты себя чувствуешь? – обеспокоенно спросила Чайна Циан. Она всё ещё сидела рядом и, ожидая помощи, старалась внимательно следить за состоянием Тони.

– Кажется, моё тело сейчас интересуют все естественные физиологические процессы разом, – ответил Тони, наконец. – Я хочу дышать, есть, пить, тебя... я жив как никогда.

– А выглядишь иначе.

– Если я как прежде хорош собой, то меня это устраивает.

– Уверена, что кучей серебра ты тоже будешь выглядеть... симпатично.

– Я не готов быть кучей серебра, симпатичной или нет.

– Такие вещи не...

Внизу зашумели гости. Открыть им было некому, сервы ушли на праздник. Но наверняка это были Сорорибэ и его приятель, которые не закрыли за собой дверь, уходя, а потому и не пришлось им открывать по возвращении. С ними был стандартной внешности крылатый. При виде полусрезанной одежды, как будто отлитой из чистого серебра, у незнакомца глаза вылезли на лоб.

– Исцеляйте, когда я скажу, – Чайна Циан объяснила пришедшему суть его задачи в четырёх словах и тут же добавила: – Считайте, что всё серебро, что из него выльется, ваше.

Крылатый начал догадываться кое-о-чём:

– Это что же... один из Сильверстоунов?

– Вообще, я бы и сам мог себя исцелить, – проворчал Тони.

– Я не могу на это рассчитывать, – покачала головой Чайна Циан. – Вдруг опять в обмо...

Тони аж цыкнул на неё.

– ...Потеряешь сознание, – быстро поправилась Чайна Циан. – Не всё ли равно как и что называть, когда рискуешь умереть? – в недоумении спросила она, занеся острие своего клинка над исцелённой раной.

– Может, лучше вызвать опытного врача?

– Да, отлично, идея просто замечательная, – похвалила Чайна Циан предложение Тони. – Но только если кусок, попавший в твоё тело, перекрыл кровоток, ты рискуешь остаться без

какой-нибудь части тела весьма надолго, а может и навсегда. А сегодня праздник... мы просто не успеем найти хорошего врача. Так что терпи, Сильверстоун. Можешь потерять сознание, разрешаю, и смеяться не буду.

– Тогда режь, чего...

Чайна Циан сделала первый надрез.

– Говори-говори, – подбодрила она бывшего мужа, – чего это ты смолк?

– Мальчики, поищите у неё... бутылку чего-нибудь покрепче. Уж какой... никакой латкор, да найдётся, а?

– Терпи, Сильверстоун, – насмешливо повелела Чайна Циан. – Ничем таким я ещё не запаслась. Господин целитель... подложите платочек... на серёжки дочерям точно нальётся.

– У меня их шестеро.

– Значит, и на браслетики натечёт.

– Можно я лучше спою? – просяще подал голос Тони.

Чайна Циан побоялась смотреть на него. Морщится? Нет? Как справляется с болью? Она знала только одно – надо всё делать тщательно и быстро.

– Спою, Тони, конечно, – мягко сказала она, не отрывая глаз от голубовато-белой плоти под кожей, в которой виднелось серебро.

Рану под маленьким клинком Чайны Циан уже начала заполнять кровь. А бывшая графиня отрезала рубашку ещё только с одной стороны.

Тони затянул какую-то чуточку пошлую песенку авторства своего отца. И пел даже неплохо, нечасто прерываясь. Но его дыхание было странным, и петь ему чуть ли не так же тяжело, как терпеть боль.

– Пой Тони, пой для меня, – попросила Чайна Циан, прежде чем начала расправляться с телом крылатого жёстче, чем, думала, придётся.

Резать пришлось быстрее, глубже и грубее. Рёбра мешали. Время уходило. Кровь полилась ручьём. Песня начала стихать.

– Всё, он в обмороке, – сказал кто-то.

Чайна Циан с силой надавила на клинок, прорезая сверху, затем слезла на пол и воткнула нож снизу. Рубашка упала на пол. Чет буквально рухнула рядом:

– Исцеляйте!..

От рук крылатого в рану потёк рассеянный свет.

Чайна Циан стёрла пот с лица и поняла, что испачкалась кровью почти вся. Серебро, прилипшее к коже тонким слоем, почти сразу сыпается песком, а вот крупные капли крови Си, застывшие на коже, проблематично содрать даже за день. Пошла умытья – вдруг не успеют застыть?

Сумев кое-как умыться, затем отдышавшись и почти полностью успокоившись, она вернулась в комнату.

– Он неплохо держался, – почти с благоговением заметил крылатый, держа в руках свёрток с таким количеством серебра, что мог теперь купить не то, что серёжки и браслетики, а по собственному экипажу каждой из дочерей.

Сорорибэ переглянулся с товарищем и, хмыкнув, сказал:

– При условии, что до этого дрался и был несколько раз ранен, исцелён и затем ещё потерял крови на такой вот домик... держался он настолько неплохо, что хотел бы я быть сделанным из того же материала, что и он.

Крылатый застыл, пытаясь осознать услышанное, но Сорорибэ ещё раз поблагодарил его и повёл прочь. Оставшийся актёр взглянул на Чайну Циан не менее благоговейно, чем крылатый смотрел на Сильверстоуна, и, проглотив свои вопросы, поинтересовался только, не следует ли теперь начать поиски врача. Всё-таки после такой значительной потери крови даже один из Сильверстоунов не может быть в полном порядке.

– Пожалуй... – устало отозвалась Чайна Циан. – А, впрочем, нет. Я отправлю сообщения его родственникам, и они сами позаботятся о нём дальше. Идите, наслаждайтесь праздником.

Так и оставшегося не представленным актёра, Чайна Циан проводила до выхода, попрощалась с ним и Сорорибэ, и вернулась взглянуть на Тони.

Он всё ещё был без сознания. К его коже под раной прилипла пропитанная кровью простыня кровати. Отдёргивать будет больно. Но лучше сейчас. Решив побереечь ещё несколько тактов спокойствия Тони, Чайна Циан просто села рядом. Услышала голоса с улицы – окна распахнуты почти с самого утра.

– Я, думаю, этот день не скоро забуду, – признался обладатель тёплого и высокого голоса прямо под окнами.

– Наверное, я тоже, – отозвался некто знакомый, наверняка Сорорибэ. – Изобразить на сцене дуэли после увиденного... уверен, буду куда натуральнее.

– А эта дама... слишком невероятна, чтобы быть его любовницей!

– Она его жена. Та самая, с которой он разводится.

– Что?!

Удивлённый так больше и не произнёс ни слова. Чайна Циан услышала смех Сорорибэ.

– Пойдём. Он ещё любит её, иначе бы не назвал этот адрес.

Убедившись, что актёры ушли, Чайна Циан с силой рванула за край простыни. Тони очнулся.

– Извини, – легко произнесла она. – Но какого чёрта ты велел притащить тебя именно ко мне?

– Чтобы... давай потом?... – и Тони снова закрыл глаза.

Чайна Циан испугалась. Тони никогда ещё не говорил таким слабым голосом. До вырезания рубашки он пел. Сейчас явно на это не способен. Что, если с последним ручейком крови из Тони вышло то необходимое, что держало его среди живых? Она попыталась привести бывшего мужа в чувство, приговаривая:

– Тони, Тони, я передумала. Давай займёмся этим! Я готова сделать это даже в той унижительной позе.

– ...Е... – вот и весь ответ её бывшего мужа, который вечно жаловался, что она не давала ему свободы действий в постели.

Да даже если бы он спал в этот момент, то подпрыгнул бы на кровати до самого потолка, услышав о её готовности делать то, от чего тридцать девять лет отбивалась всеми силами! Это же Тони! Он подобного не упустил бы...

Торопясь, Чайна Циан написала краткую записку о случившемся и через метакарту разослала всем, кто мог помочь. Но очень долго никто не появлялся. Так долго, что Чайна Циан уже решила было тащить Тони в ближайшую башню целителей.

Первым, что удивительно, примчался Даймонд Лайт – красивый крылатый, ослепивший её когда-то. Даймонд выслушал, похвалил за действия, поднял бесчувственного Тони с кровати и передал прямо в руки из воздуха появившемуся Сапфиру. Ясновидящий со своим молодым потомком испарился, Даймонд огляделся, молча расцеловал руки Чайны Циан, и прыгнул в окно, призвав белые, чуть серебристые крылья.

Прибывший герцог Пэмфрой застал подругу матери дрожащей.

– Откуда ты столько узнала о том, что делать в таких ситуациях? – удивился Томас, выслушав рассказ Чайны Циан. – Тони очень повезло с тобой.

– Брось, Томас, ты бы видел, как я резала... хуже мясника!.. А Сильверстоуны постоянно дерутся между собой. Это у них случается так часто, и бывает настолько серьёзно, что я уже успела стать свидетельницей пары таких вот случаев. И при этом Си говорят, что это они ещё успокоились и обленились без Кардифа. Но, Томас! Таким я Тони ещё не видела!..

– Всё с ним будет хорошо, – Томас Пэмфрой дружески приобнял Чайну Циан за плечи. – Сильверстоуны живучие. Да и Мелисса, если хочешь, будет держать тебя в курсе его состояния.

– Да, точно...

– Тони ещё будет шутить о том, почему ты помогла ему, а не добила...

– Верно, – скривилась Чайна Циан. – Куда как верно.

Следующим вечером, придя, казалось бы, домой, Чайна Циан оказалась в волшебном месте. В гостиной стоял густой запах цветов. Букетов было точно больше двадцати пяти.

– Бигви, что это? – на всякий случай спросила она у своего дворецкого.

– Присылали весь день. Из некоторых театров и дворца Нью-Лайт. Я говорил им, что это, возможно, ошибка, но меня уверяли в обратном, – отчитался Бигви, маленький кругленький человечек с выпученными глазами. – Вам нравится?

– Да, очень. Расставьте цветы по всем комнатам и занесите несколько букетов в серветскую.

Букет от Тони она узнала мгновенно. Цветы от него слишком выделялись, даже когда стояли в ведёрке на полу возле камина. Только Тони знал, что ей нравятся дикие северные, простенькие, маленькие соцветья. Чайна Циан аккуратно подняла ведёрко, в которое только и могла поместиться охапка лесных и полевых цветов, и понесла эту прелесть в спальню. Там она переставляла цветы до тех пор, пока они не оказались... на стуле у изголовья постели, когда она ложилась спать и просыпалась, потом на туалетном столике, когда она причёсывалась... и в гардеробной, когда она выбирала наряд и обувь. Прежде, чем она поняла, что букет в ведёрке сопровождает её всюду в пределах собственного дома, цветы уже увяли.

30.6.34. – Тридцатый день шестого лунного периода тридцать четвёртого года эпохи Тераора Сапфира.

– Что? – Тони почувствовал на себе пристальный взгляд синих глаз.

Сапфир и вправду на него смотрел. И как-то странно!

– Ничего, – после длительной паузы ответил ясновидящий.

Тони, сжимая в руке тяжёлый меч, свободно размахивал им, проверяя, как работает недавно повреждённая мышца. Сапфир стоял чуть поодаль и ждал.

А ведь в наполненном светом и воздухом фехтовальном зале дворца достаточно места. Собственно, его настолько много, что иногда кажется, что именно это помещение – самое большое из тех, что наиболее часто используются семьёй. Можно ждать Даймонда, Брайана или хотя бы Сильвертона и на порядочном расстоянии. Но нет, Сапфир ждал именно его, Тони, и потому стоял почти рядом.

– Ты сегодня решил сесть на голову мне? – вслух догадался-ужаснулся Тони.

– Да.

– Жаль разочаровывать тебя, но я буду фехтовать с Дэниелом. Если он не проспит, конечно.

– Нет. В смысле: нет, не будешь. Не будешь ты сегодня фехтовать с Дэни. И завтра тоже.

– Я ещё ни разу не...

– Успеется, Тони.

– Почему я не могу уделить внимание собственному ребёнку, когда хочу этого?

Сапфир усмехнулся:

– Просто смирись.

– Смеёшься? Что может быть значительнее и естественнее, чем передача боевого опыта от отца к сыну?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.